

Борис Георгиев

Живец. Хитрец. Ловец

Борис Георгиев

Живец. Хитрец. Ловец

«Издательские решения»

Георгиев Б.

Живец. Хитрец. Ловец / Б. Георгиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748776-8

«Живец. Хитрец. Ловец» — первая книга романа «Космопроходимцы». Гуманоиду с планеты Земля на пересадочной станции альфы Малого Пса бояться нечего. Администрация системы пересадочных станций всемерно заботится о том, чтобы турист чувствовал себя в полной безопасности. Такая предупредительность была бы одной лишь похвалы достойна, да вот беда — ксеноморфы различной душевно-телесной организации понимают безопасность по-разному. Проговоришься, уронишь неосторожное слово, и...

ISBN 978-5-44-748776-8

© Георгиев Б.
© Издательские решения

Содержание

Фолдер I	6
Убить политерия	6
Кибердоз. Восстановление полноценности	13
Фолдер II	15
Глава первая	15
Глава вторая	21
Глава третья	26
Глава четвёртая	32
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Живец. Хитрец. Ловец

Борис Георгиев

Дизайнер обложки Борис Гончарук

© Борис Георгиев, 2018

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-8776-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я слишком много мыслил, чтобы снизить до действия.

«Аксель», Вилье де Лиль-Адан

Фолдер I

Убить политерия

Я встретился с ним перед последним прыжком. На пересадочной станции с кем только не встретишься! Даже и в нашем захолустье запросто можно нос к носу столкнуться у портала энтенглер-проектора с равлоподобным септоподием откуда-нибудь с тёмной периферии или с металлоидным сауроморфом. «Нос к носу» здесь чистойшей воды эвфемизм, какой может быть у септоподия нос? С сауроморфами вообще сложно – у них где зад и где всё остальное не сразу разберёшь. Зелёные неофиты приходят от этого в восторг, мне же поднадоело, по правде говоря. Вылезешь из кабины сам не свой, и тут навстречу по коридору такая страсть. Сразу мысль – а не ошибся ли порталом? Не вернуться ли подобру-поздорову, откуда телеперекинулся? Новичка хлебом не корми – дай посмотреть хоть через бронестекло, как вылупляется силиконовый задумец, мне же и на углеродцев иногда смотреть не хочется. Это не ксенофобия, просто усталость. На такое по дороге домой насмотришься... Тем приятнее встретить гуманоида.

Я выглянул из кабины, примериваясь шмыгнуть вдоль стеночки в комнату релаксации, и тут увидел его. Теперь я понимаю: не зря он слонялся у портала и не просто так высматривал. Не родную душу искал, нечто другое. Увидел меня, накинулся, схватил за руку. Приятно, когда на заштатной пересадочной станции альфы Малого Пса так встречают землянина. Грешным делом я подумал, что он прознал о заварушке в системе гаммы Цефея и хочет поздравить с тем, что я благополучно дал оттуда дёру. Ошибся. Он взялся руку мою зачем-то осматривать. Понятно стало, физиономия моя ему незнакома, поэтому я представился попросту: сказал, что я Циммерман. Тот самый.

– Глеб, – буркнул он.

– Иосиф, – возразил я.

– Полагаете, я забыл, как меня зовут? – вскинулся он.

Вспыльчивый какой.

Я сказал, что мне очень приятно. Мне действительно приятно было – гуманоид же! – хоть и мелькнула у меня шальная мыслишка... Понимаете, слышал я от одного профессора ксеноморфологии, что редко, но встречаются в соседней галактике соматофиды, которые приспособились выпускать антропоморфные псевдоподобия. Быть съеденным на последней пересадке не входило в мои планы. Волокиты потом не оберёшься: пока вырастят новое тело, пока то да сё, да ещё как всегда выяснится, что они затёрли селфкопию и нужно ждать, пока соберут межгалактическую комиссию и разыщут мою личность по месту первой посадки.

Я дёрнул рукой; высвободиться не получилось. Глеб вцепился мёртвой хваткой. Пальцы мои осматривал так, будто впервые видел верхнюю конечность дунормального гуманоида углеродного цикла. Казалось, пересчитывает пальцы.

– Что за... – выдавил я, но он перебил.

– Один вопрос, – сказал он, не выпуская руки. Смотрел при этом прямо в глаза как-то жутковато пристально.

– Пожа...

– На ногах у вас сколько?

– Чего?! – удивился я. Стало очевидно, что он не псевдоподобие соматофида. Те вопросы не задают, жрут сразу.

– Пальцев, – пояснил он. Тут до меня дошло, что говорим мы не на унилингве, а по-русски. Отлегло от сердца, но не вполне, потому что очень странно. Сколько пальцев?

– Пять. На каждой.

– Вы уверены?

Я пошевелил пальцами в ботах. Уверен ли? Говорю же, сразу после прыжка я обычно сам не свой, но уж это помню точно, сколько раз пересчитывал.

– Пять, – говорю ему и на всякий случай киваю этим, как его? А, ну да, головой. Больше ведь нечем.

– А мне казалось, чётное, – пробормотал он, выпустив руку.

Нет, ну я точно помню – нечётное. И абсолютно точно, не три и не семь. Значит, пять.

– А у вас? – спросил я, приправив вопрос немалой порцией сарказма

Вместо ответа он схватил меня за рукав и потащил в комнату релаксации, ворча под нос: «Слава тебе господи, хоть тут пронесло!.. С чего я вообразил, что должно быть шесть?.. Чтoб я ещё раз... Не-ет, это дело надо запить».

Я решил не брыкаться, тем более что и сам хотел расслабиться перед последним перемещением. Врачи рекомендуют гуманоидам моего типа отдыхать между прыжками. Запить так запить.

После первой чашки чаю мы уже прочно были на «ты».

– Ты понимаешь, Изя... – говорил он между глотками.

– Ёся, – поправил я. Вечно все путают Исаака с Иосифом, а их обоих – с Израилем.

– Один чёрт, – сказал он и со стуком отставил пустую чашку. – Понимаешь, такое пережить! Пожалел даже, что поехал первым классом.

Когда мы ввалились в комнату релаксации гуманоидов, его трясло, но после первой чашки, кажется, отпустило. Я разлил по второй и приготовился слушать. Знаете, как это бывает, когда перемещаешься из соседней галактики первым классом? Бездна позади, бездна впереди, крошечная пересадочная станция – квант в бесконечности. Рядом какая-нибудь альфа какого-нибудь пса и проезжий путешественник – хорошо если гуманоид. Ну как тут удержишься? Даже я, интроверт до мозга костей, и то иной раз такое выкладываю первому встречному, какое себе самому никогда не рассказываю. Но про первый класс – это он зря. Вторым хуже. Один раз меня угораздило: решил отдохнуть от тела. Подхватил, понимаете ли, в одной передрыге насморк, да такой – голова чугунная, глаза на лбу, вместо мозга кисель булькающий. Дай, думаю, полечу вторым. Старое тело после посадки в портал и сканирования дезинтегрируют к чертям вместе с насморком, а при высадке спроецируют меня в новое, со свежим дыханием. Всемиловый Случай, как же нехорошо было без тела! Тесно, не повернёшься, мысли шевелятся медленно, чувствуешь себя таким конденсатом Бозе-Эйнштейна. Ну, вы, если перемещались вторым классом, знаете. Каждый прыжок – выпадение памяти. Очнёшься в хранилище на пересадочной станции – не зря его называют мозгариумом! – опять тесно, не повернуться, и рядом сонмы таких же мозгляков. Обретаешься там и думаешь: «Только бы не спутаться с негуманоидом!» Мысль идиотская, но ни на что более возвышенное памяти не хватает в отсеке мозгариума. И вдобавок, пока меня грузили в новое тело при высадке на конечной, продуло на сквозняке так, что я не мог фамилию собственную выговорить. Короче, зря он так про первый класс, первым куда приятнее. Вылезешь из-под раструба энтенглер-проектора, как заново сделанный (так оно на самом деле и есть, тело же с пылу с жару, из синтезатора), выкарабкаешься оттуда, встретишь кого-нибудь пролётного, закатаешься с ним в комнату релаксации, чайку попьёшь, баек послушаешь...

– ...еле я увернулся, – рассказывал, дую на чай, прихлёбывая и обжигаясь, Глеб. – В стену вжался, стою, трясусь, зубами щёлкаю, а этот чёрный затормозил с дымом, свистнул боком по полу, и ко мне.

– Кто? – спрашиваю. Видимо, что-то пропустил.

– Да шар этот, только что я тебе рассказывал. Я тоже не сразу допёр, что за штуковина. Чёрный шар вроде бильярдного, только поболее. И чем дольше я на него смотрел, тем меньше

он мне нравился. Загнал меня в угол, чую, разглядывает, только непонятно – чем. Или обнюхивает. После перемещения иногда себя не помнишь, потому я и не сразу додумался.

– А! – сообразил я. – Так это же кто-то из бестельников в этом... В бароскафе.

– Именно, – говорит Глеб и кивает, как фарфоровый мудрец из древнего Китая. – И не кто-то, а бозоид из самого центра. Нетяж Гелиани XXVI-ой Бездетный. Он после представился.

– Не знаю такого.

– Он о тебе тоже не информирован, а меня теперь знает, к сожалению.

– Почему к сожалению? Сключник? И какого максвелла он делал в отсеке для углеродцев?

– Не сключник, но тип мерзкий. Вкрался в доверие и... В отсеке у нас он искал гуманоида.

Нашёл меня.

– В первый раз слышу, чтобы бозоиду высокого давления нужен был человек. Как же вы с ним общались? Только не ври, что умеешь модулировать гравитационную несущую.

– Три кварка для Мюстера Марка, – изрёк Глеб, щёлкнул пальцами и картинно указал на предмет, украшавший собою столик в самом углу.

«Что за чепуха?» – подумал я, всмотрелся... Нет, ну кому могло прийти в голову затащить на пересадочную станцию альфы Малого Пса пишущую машинку?! Знаете, такую, портативную, в чемоданчике с ручкой для переноски. Я не удержался, подошёл глянуть. Не во всяком музее найдёшь такое чудо. Надпись на корпусе – «Тирра». Лист запроважен, на нём буквки. Рядом стопка бумаги. Типа кто-то только что печатал.

– Откуда она здесь? – спрашиваю.

– Забыл кто-то, – Глеб говорит. – Или бросил за ненадобностью.

– И что?

– Да то, что когда Гелиани загнал меня сюда...

– Загнал?

– Ну, было дело. Слегка перенервничал я там, в углу, в коридоре. Перескочил через него, сбежал и здесь заперся. Слышу – он в дверь ломится. Стук! Стук-стук! Сту-ту... Э, думаю, что это он азбукой Морзе откаблучивает? Вслушался. «Пустите, – просил шар. – Поговорить надо». Ну, я взял в руки что потяжелее – эту вот машинку, – и открыл дверь.

– Смелый поступок, – говорю.

– А ты не иронизируй, – буркнул Глеб поверх чашки. – Себя представь на моём месте. Сразу после прыжка, возле портала энтенглера, нападает на тебя шарообразная хрень, загоняет в угол, потом поговорить зовёт. Кто его знает, что значит это «поговорить».

– И что же оно означало?

– А вот слушай. Открыл я дверь, замахнулся на всякий случай машинкой, а она прямо у меня в руках клавишами: «Тра-та-та-та!» Шарообразный гость, пользуясь моим остолбенением, вкатился, запрыгнул на стойку и устроился в песочке рядом с турками.

– С кем?

– С турками, с джезвами, с... Кофе в которых варят. Не перебивай. Машинка у меня в руках тарыхтит, шар скрипит песком, я стою, понемногу обалдеваю ситуацией. Потом догадался всё-таки, поставил машинку на стол и глянул, что она там настучала. Прочёл: «здравствуйте извините беспокойство нужна помощь». Что? Ты не понял ещё? Это Нетяж со мной так разговаривал. Увидел у меня в руках машинку и воспользовался. Так ему показалось удобнее, чем азбукой Морзе.

– На каком же языке он с тобой? Или не на языке? На унилингве?

– Представь себе, на английском.

– Откуда он...

– Да погоди же, дай рассказать.

Я счёл за благо не перебивать, Глеб снова стал злиться, и я испугался, как бы он в забытии не огрел печатной машинкой меня. Вот что он поведал за третьей чашкой чаю.

Его шарообразный собеседник, оказывается, в последний период времени (длительность периода осталась невыясненной) имел резиденцией представительство бозоидов в недрах какой-то газовой планеты захоластной звёздной системы. К исходу своего пребывания в должности главного надзирателя за чистотой волновых функций он обнаружил на планете Тредиа (так она, кажется, у бозоидов называется) молодого политерия. Совершенно случайно. Нетяж Гелиани отправлял естественные потребности надзирателя, очищая от скверны молоденькую функцию, и заметил искусственный характер загрязнения. Очевидно, что юная безыскусная функция не могла самовозбудиться до такой негармоничности, наличествовала явная наведенность. Кроме того, матрица плотности у юницы имела особенности, не совместимые с атмосферой газового гиганта. «Где набралась?» – подумал Гелиани, принялся исследовать окрестности и наткнулся на политерия. Открытие удивило почтенного надзирателя до чрезвычайности, просто-таки до разрыва сплошности. Политерий в системе жёлтого карлика! Каждому сапиенсу, мало-мальски сведущему в ксенобиологии, известно, что зарождение политерия возможно только в системе двойных звёзд, причём одно из светил просто обязано быть голубым гигантом главной последовательности, иначе ничего не получится. «Выдающееся открытие, пахнет премиальным повышением ранга!» – подумал Гелиани и на радостях принялся открытой несущей к политерию. Тот оказался молодым да ранним. Несчастный Нетяж Гелиани XXVI-ой Бездетный получил от общения с ним культурный шок. Рассказывая о бесчинных идеях политерия, он так возбудился, что периодически забывал вовремя нажать перевод каретки и дожидаться, пока Глеб заправит новый лист. Треск и перезвон стоял в комнате релаксации.

Политерий, настучал Гелиани, проявил чудеса приспособляемости, осваивая свою невзрачную планетишку, начисто лишённую углеводородной атмосферы, холодную, чуть не сплошь покрытую агрессивным жидким растворителем, всю в корке окислов. Соклетники вообще хорошо приспосабливаются к внешним условиям, но этот – особый случай. Несмотря на то, что нервная система у него электронная, энергию исхитрился добывать из разности гравитационных потенциалов, из движения атмосферных потоков, из электромагнитной радиации центрального светила, из реакции окисления углеводородов (варварский способ, но работает же!) и даже из ядерного распада. В жадности этого политерия чувствовалась первобытная мощь: жрал всё, что видела его эффекторная система, – кстати, она заслуживает особого упоминания. Этот монстр в самое короткое время оплёл всю свою ничтожную планетку нервными окончаниями, и везде, куда он дотянулся, появились его электромагнитные органы чувств. Такое любопытство похвально. Вполне естественно для новорожденного политерия – попробовать всё на зуб...

Тут Гелиани осёкся и после непродолжительной паузы отбил, что не вполне понимает смысл выражения «пробовать на зуб», взял-де его из памяти политерия и употребил, пленившись экспрессией.

Такое любопытство похвально, трещал Нетяж, но нет ничего хуже, когда новорожденный, толком не разобравшись с тем, что у него под носом, и не разучившись паскудить окружающую среду, заглядывается вовне. Этот засорянец, возмущался Нетяж, отрастил внепланетные электромагнитные ложноручки, как оптического диапазона, так и более жёсткие, и стал ковырять ими всё подряд, не ограничиваясь собственной звёздной системой. Бозоиду это, разумеется, не понравилось. Ещё бы! Малопериодный бандит лезет к вам в душу своими грязными ложноручками, лапает изнутри, а после ещё и гадит туда немодулированными импульсами.

Нетяж Гелиани XXVI-ой Бездетный, пылая в равной степени служебным рвением и чувством личной обиды, стал отправлять естественные обязанности в отношении означенного политерия. Инструкция предписывала Нетяжу подключиться к нервной системе соклетника,

изучить его рефлексы и попробовать утихомирить способом нежной силы. До нежной силы дело не дошло, потому что как раз, изучая рефлексы, бедняга Нетяж и пережил культурный шок.

Все затаённые мысли, все бессознательные движения души, все модусы существа молодого политерия пронизывала жажда экспансии. Какое уродство – врождённая завоевательность! Политерий этот гадить хотел в радиодиапазоне на чувства любого мыслителя, кроме себя самого, и одного жаждал – дотянуться до всего сущего своими примитивными нервами. О резиденции бозоидов, в частности, думал лишь в том ключе, что неплохо было бы этот углеводородный пузырь окислить (какая дикость!) и потребить без остатка, а ценный изотоп гелия, к коему Гелиани питал более чем нежные чувства...

Глеб решил прервать изливания оскорблённого в лучших чувствах бозоида, чтобы спросить: какого, собственно, чёрта тому понадобилось от человека?! Зачем уважаемый Гелиани подкарауливал углеродца у портала, зачем поймал его в чём мать родила, в халате и шлёпанцах, и загнал в угол?! Для чего понадобилось терзать органы чувств ни в чём не повинного сапиенса негармоничным треском?! Какой-то чёртов политерий в богом забытой звёздной системе не заслуживает того, чтобы ради него свободный землянин – у коего последние двадцать парсеков конопляного зёрнышка во рту не было! – пожертвовал завтраком.

Гелиани извинился в изысканных выражениях, отбил звёздочками в углу чистой страницы изображение сердечка и стал печатать после абзаца объяснение.

Потому-де он искал гуманоида, что возмутительные выходки наглого соклетника затрагивают права углеродцев сходного с ним вида. «Хомо Сапиенс?» – заинтересовался Глеб. Нетяж Гелиани ушёл от прямого ответа, напечатал только, что хомо, конечно, есть хомо, но насчёт сапиенсовости углеродцев, обнаруженных на планете политерия, ничего сказать не может, ибо не является специалистом по кислородозависимым формам жизни. Нетяж, дескать, не может даже утверждать, что углеродцы порабождённой политерием планеты Тредиа появились естественным путём, а не возвращены соклетником для удовлетворения нужд. Вид жалкий (Нетяж извинился) и подчинённый соклетнику в такой мере, что их совместное существование похоже на симбиоз. Точнее сказать, было бы похотим, если бы сходные с Глебом гуманоиды (Нетяж снова извинился) хоть что-нибудь существенное получали от этого сосуществования. Он использует их в качестве эффекторов и манипуляторов, они обслуживают его дигестальную систему и надстраивают политерия, руководствуясь прямыми его указаниями. Он же взамен ублажает их смехотворные изолированные нервные системы примитивными удовольствиями. Но это ещё полбеда, в конце концов, не всё в недолгой жизни углеродца удовольствие, говорил Нетяж, хуже то, что мерзкий соклетник посягает на свободу их сознания, если только сумеречные мыслишки можно считать сознанием. Он внушает им, что они – венец чьего-то там творения. Создавая соответствующие образы, он подталкивает их к безудержному размножению – само собой разумеется, не без умысла; такому экспансивному субъекту, как он, нужно много рабов. Но самое ужасное – эти придавленные ощущением собственного иллюзорного величия углеродцы полагают себя свободными! «Это ли не ОТВРАТИТЕЛЬНО?!» – вопрошал Гелиани.

Глеб лаконично выразил согласие. Ответил кратко, потому как, что ещё сказать? Конечно, отвратительно, когда бесчеловечный супермыслитель использует живых, пусть и не очень развитых в интеллектуальном отношении собратьев по разуму. Да, это ужасно – держать мыслящее существо в плену иллюзий. Да, хуже не бывает несвободы, чем иллюзорная свобода, потому что в этом случае освободить индивидуума может только внешняя сила и только путём разрушения сладких грёз. «И есть очень хочется, – думал между тем Глеб, – или хотя бы выпить чайку. И посмотреть, что на Земле нового».

Нетяж истолковал лаконичность полученного ответа по-своему, принял за согласие и приглашение к сотрудничеству.

«Тогда вопрос», – отстучал он и поставил двоеточие.

Глеб собирался было ответить, что комментарий не имеет, но Гелиани опередил, с такою скоростью затарахтел клавишами, что машинка от вибрации поехала по столу.

Спрашивал, полагает ли уважаемый гуманоид, что собратья по разуму нуждаются в освобождении? Считает ли он, что в подобном случае допустимо применить к поработителю грубую силу? Должен ли негуманоид прислушаться к мнению гуманоидного эксперта? Считает ли Глеб, что расстояние между негуманоидными и гуманоидными суждениями следует определять в инцидентном метризуемом пространстве избыточной мерности? Применима ли при построении первого приближения нечёткая эpsilon-метрика? Можно ли утверждать, что в случае положительного ответа на предыдущий вопрос мнение одного гуманоида эквивалентно суперпозиции мнений всех возможных гуманоидов?

«Да», – ответил Глеб, поймав машинку у самого края стола. «По всем вопросам?» – переспросил Гелиани. «Да», – ответил Глеб наудачу, потому что голова от треска раскалывалась и хотелось есть. «Спасибо, – дистанционно отстучал Гелиани, выкатываясь из комнаты релаксации. – Я принял во внимание Ваше уважаемое мнение. Надеюсь, Ваши сопланетники оценят действия бозоидов правильно. Прощайте. Вечно Ваш, Нетяж Гелиани XXVI-ой Бездетный, главный надзиратель за чистотой волновых функций, настоящий член Большого Совета Бозоидов».

«То есть как – сопланетники?» – холодея, набрал одним пальцем Глеб. Есть ему почему-то перехотелось, а пить... Выпил бы. В горле пересохло.

Нетяж не ответил.

«Эй, ты! – с силой отбарабанил Глеб. – Кого ты назвал политерием?!»

И на этот вопрос не последовало ответа.

«Слышишь меня?! Ты, сопля в скафандре!» – зверея отбил Глеб.

«Сам такой», – отпечатала машинка и больше на запросы не отзывалась. Изведя на ругань пару листов, Глеб сообразил, что тратит время даром. Не до еды стало ему, не до питья и не до отдыха. Презрев рекомендации врачей о необходимом перерыве между прыжками, он бросился к энтенглеру, экстренно телеперекинулся первым классом на Луну, там связался со службой безопасности, но его не стали слушать, подняли на смех. Никаких признаков инопланетного вмешательства не зарегистрировала служба безопасности, и регистрировать со слов «какого-то психа» не собиралась. Тогда Глеб решил на отчаянный шаг – вернулся на пересадочную станцию альфы Малого Пса, чтобы отправить начальству Нетяжа Гелиани по гравитационным каналам жалобу.

– Понимаешь, – говорил мне Глеб. – Этот зловредный бозоид запросто мог учинить какую-нибудь подлость с энтенглером нашего отсека или с синтезатором. Прилетел бы я тогда сюда в таком виде... Слушай, ты точно помнишь, что на ногах должно быть именно пять пальцев?

Рассмеяться бы в ответ, но Глеб заразил-таки меня страхом. Кого же Гелиани у нас на Земле обозвал политерием? Вроде бы Океана Разума на милой нашей планете не было. Я, во всяком случае, не заметил ничего похожего.

– Ну и? – спросил я. – Получилось связаться с начальством этого типа?

– Если бы, – мгновенно помрачнев, буркнул Глеб. – Их юпитерианская база не отвечает, выдаёт код «абонент ликвидирован». Я посмотрел по журналу, куда смылся Нетяж...

– И?

– Эта станция, пока я прыгал на Землю, закатилась за горизонт событий. Понимаешь ли, Изя...

– Ёся, – поправил я, но Глеб не обратил внимания, мычал:

– Понимаешь... Можно было бы нагнать его, прыгнуть отсюда к Большому Псу...

Он вскочил. Я попытался удержать. Куда там – видно же, не в себе человек. Ещё бы, столько прыжков подряд.

– Глеб! Скажи хотя бы, кого твой Нетяж обозвал политерием! – спросил я на бегу.

Он, не оборачиваясь, выкрикнул: «Не кого, а что!» – нырнул в кабину проектора и хлопнул дверью. Я дёрнул за ручку – бесполезно. Над порталом стали вспыхивать, сменяя друг друга, надписи унилингвой: «Скан», «Перемещение», «Дезинтеграция», «Свободно».

Дверь подалась. Я заглянул внутрь, точно зная, что увижу. Кабина была пуста. Куда отправился Глеб, я знал – на пересадочную станцию альфы Большого Пса. Прыгать туда следом за ним только для того, чтобы выяснить, кого вредный бозоид принял за политерия, у меня не возникло желания. Надо было как-то убить два предписанных врачами часа, и я поплёлся в камеру дальней связи. Что-что, а земные новости можно узнать без прыжков. Слава Гейзенбергу, Глобальная наша Информационная Сеть доступна и через энтенглер-модем.

– Даже сюда дотянулось щупаль... – гордо начал я, включая терминал, но оборвал себя на полуслове. Догадка искрой проскочила в мозгу раньше, чем на экране вместо привычного приглашения зажётся баннер ошибки соединения.

– Не может быть! – прошептал я, тыча в экран.

Бесполезно. Земные новости недоступны, почта тоже.

– Шустрые ребята эти бозоиды, – проворчал я, и тут осознал масштаб происшествия в полной мере. Политерий? Да, они его прижгли. Освободили гуманоидов от управляемых по Сети унитазов и холодильников. Лишили возможности пялиться на чьи-то ляжки, не отрывая от стула собственной задницы. Боюсь только, сопланетники поймут действия бозоидов неправильно. Станут, как всегда, искать крайнего, доберутся до пересадочной станции альфы Малого Пса, найдут печатную машинку и стопку листов с диалогом...

– Пожалуй, мне тоже стоит двинуть к Большому Псу, – сказал я. – Не ровен час, пожалуют сюда ребята из службы безопасности. Поди докажи им, что я не Глеб.

Я покинул комнату релаксации быстрым шагом, к portalу направился бегом, а в приёмную кабину влетел пулей.

Кибердоз. Восстановление полноценности (из материалов расследования)

Кибер-дознаватель сектора гуманоидов пересадочной станции альфы Малого Пса был активирован в ноль суток, ноль часов, ноль минут, три секунды по локальному времени, после поступления сигнала о сбое в системе дезинтеграции. Рабочий хронометраж ведётся относительно момента времени поступления сигнала о сбое.

00:00:00:06 – Выполнена самопроверка, кибер-дознаватель приступил к исполнению обязанностей.

00:00:00:07 – Тип ошибки определён, информация о происшествии передана в службу безопасности пересадочных станций. Кибер-дознаватель проследовал к порталу энтенглер-проектора.

00:00:01:21 – В кабине энтенглер-проектора обнаружен пострадавший – двуногальный гуманоид углеродного цикла, по установочным данным идентичный пользователю системы энтенглер-кабин Иосифу Циммерману, гражданину Земли-Солнечной, туристу, без определённых занятий, совершавшему прыжок по маршруту «альфа Малого Пса (пересадочная) – альфа Большого Пса (конечная)». Обследовав психо-соматическое состояние пострадавшего, кибер-дознаватель установил признаки частичной неполноличности и стал действовать согласно регламенту обслуживания неполноличных субъектов.

00:00:06:23 – Во избежание проблем юридического характера в службу безопасности «Гэлекси-банка» послан запрос о блокировании личного счёта Иосифа Циммермана до выяснения полноценности означенного субъекта или до восстановления какого-либо из недоличных субъектов в правах полной личности.

00:00:06:24 – С целью установления полноценности Иосифа Циммермана (ниже по тексту – Иосиф I), прибывшего на пересадочную станцию альфа Большого Пса (конечная), в службу безопасности пересадочных станций отправлен поисковый запрос.

00:00:06:25 – От полномочного представителя «Гэлекси-банка» получено подтверждение о блокировании личного счёта Иосифа Циммермана, гражданина Земли-Солнечной.

00:00:06:28 – Для сохранения психо-соматического статуса подозреваемого в неполноличности дубля Иосифа Циммермана (ниже по тексту – Иосиф II), уцелевшего в результате сбоя системы дезинтеграции, кибер-дознаватель принял меры согласно регламенту обслуживания гуманоидов, пострадавших в результате чрезвычайного происшествия в зоне ответственности службы пересадочных станций.

00:00:24:17 – Проведено повторное обследование психо-соматического состояния Иосифа II, ПСС признано удовлетворительным. Кибер-дознаватель сопровождал подозреваемого в комнату релаксации и приступил к опросу согласно регламенту.

00:02:51:32 – Опрос прекращён по требованию Иосифа II. Результаты противоречивы. В ходе опроса подозреваемый в неполноличности субъект утверждал (цитата):

«Ничего не помню. Вообще ничего. Тебя вот только... Тебя помню. На кого-то похож. Кто ты вообще такой, чтоб меня допрашивать?»

Получив ответ на этот вопрос, подозреваемый впал в беспокойство (цитата):

«Кибер-дознаватель? А, ну да. Похож на всех сразу, поэтому и... Но я же ничего такого... Это не я! Послушай, кибердоз, это ведь не я с Гелиани перестукивался, а этот... Как его? Глеб. Не знаю фамилии. Или ты думаешь... Нет! Я не Глеб, это я точно помню. Я Иосиф Циммерман! Слышишь, ты? Я гражданин Земли, у меня... э-э... Какие у меня могут быть доказательства?»

В целях сохранения психо-соматического статуса Иосифа II ему было объявлено, что личность его установлена, а гражданские права бесспорны. Подозреваемый отреагировал на ложное заявление парадоксально (цитата):

«Что ты мне?.. Я и сам знаю, какие у меня права. Ещё не хватало, чтоб я доказывал кибернетическому болвану, что я – Иосиф. Не о том речь. Как мне доказа... А! Вот же, в машинке! Это он печатал, не я! Можешь снять с клавиатуры отпечатки! Пальчики его. Глеба. Слышь, кибердоз, и вот ещё что: я требую приобщения вот этой вот стучкописи к материалам дела!»

В результате экспресс-обследования было установлено, что отпечатки пальцев на клавиатуре механического средства отображения текстовой информации на бумаге (ниже по тексту – печатная машина) не принадлежат Иосифу II.

Со слов подозреваемого была проведена реконструкция действий Иосифа Циммермана в конфликте, предшествовавшем сбоям системы дезинтеграции.

Извлечённые из печатной машины текстовые материалы изучены и приобщены к материалам дела (см. фолдер под кодовым названием «Убить политерия»).

Проверка показала, что дальнейшей связи с базой Земля-Солнечная нет, перемещение по маршруту «альфа Малого Пса (пересадочная) – Луна Земли-Солнечной (конечная)» невозможно. Информация отправлена службе безопасности системы пересадочных станций.

Предприняты меры для установления личности всех фигурантов инцидента на пересадочной станции альфы Малого Пса и выявления возможной связи между названным инцидентом и сбоем в системе дезинтеграции.

По окончании опроса подозреваемого он был принудительно усыплен для восстановления сил.

00:08:13:21 – Зафиксировано пробуждение подозреваемого. Непосредственно после пробуждения он заявил (цитата):

«О-ах!... Всемиловитый случай, это был сон? Где я? Я помню... А! С добрым утром, кибердоз. Я кое-что вспомнил».

На предложение сообщить новые данные в устной форме Иосиф II ответил отказом (цитата):

«Ну нет. Знаю я вас, безопасников. Уж лучше я в письменной форме. На этой вот стучалке. А ты... Знаешь что? Свари-ка мне кофе и чего-нибудь сообрази в смысле пожрать».

Просьбы подозреваемого были удовлетворены.

00:09:02:36 – Произведено исследование первого листа дополнительных показаний Иосифа II с целью установления их ценности для расследования инцидента на пересадочной станции альфы Малого Пса.

Установлено: показания представляют собой описание событий, произошедших с Иосифом I на пересадочной станции альфы Большого Пса непосредственно после прыжка.

Принято предположение: между Иосифом I и Иосифом II существует ментальная связь.

Во избежание инцидента межгалактического права, известного под названием «казус двойников», сообщение о предполагаемой ментальной связи субъектов, подозреваемых в неполноличности, отправлено в службу безопасности системы пересадочных станций. Ввиду ценности дополнительных показаний Иосифа II для процесса восстановления полноличности Иосифа Циммермана указанные данные будут приобщены к делу (см. фолдер под кодовым названием «Дым отечества»).

Фолдер II

Дым отечества

Глава первая

Чёрный раструб. Я не сразу вспомнил, что это такое, полезли в голову какие-то граммофоны, репродукторы на столбах, и только потом выскочило слово «энтенглер». Почему запутыватель? А, ну да. Я вылез из-под раструба энтенглер-проектора и сел, мучительно пытаюсь восстановить в памяти, куда и зачем телеперекинулся. По ногам дуло, на меня напала икота. «Спешил ведь куда-то. Или откуда-то бежал? Вся жизнь наша состоит из суеты. Суета су... А! На пульте надо глянуть».

Я прочёл название конечной станции: «альфа Большого Пса», – икнул, вдумчиво изучил надпись «начальная станция: альфа Малого Пса», узрел предупреждение «счёт заблокирован» и тут всё стало на свои места. На Землю путь закрыт. Я изгой. С точки зрения землян – предатель. И у меня чешется затылок.

Почёсываясь и всё ещё икая, я слез со стола, нашёл дверной пульт, но открыл не сразу. Надо было обдумать положение. Предатель – громко сказано. Глеб, а не я поддался на провокацию Гелиани и дал добро на уничтожение глобальной нашей Сети. Глеб, а не я своими руками настучал на пишмашинке признание и оставил его у Малого Пса, на пересадочной станции. С какого перепуга я от безопасников бегаю?

Мне захотелось вернуться на Землю и сдать властям, но... Счёт заблокирован. «Э, друзья, а дело-то ведь нешуточное. Там у меня было...»

– Чёрт! – выкрикнул я, когда в полной мере осознал ужас своего положения. Дело даже не в том, что плакали мои денежки и нечем оплатить обратный прыжок. Счёт в «Гэл-экси-банке» заблокирован, значит, меня объявили во вселенский розыск. За старые делишки? Что у меня там было?.. Вздор, мелочёвка. Участки под застройку в Европе, которые внезапно оказываются не «в», а «на». На астероиде Европа, 1948 LA. Это недалеко, всего-то четыреста с лишним миллионов километров в афелии. И что? Смотреть надо, господа, что подписываете. Чепуха, детские шалости. Джефф Питерс и Энди Такер. За такое не счёт надо блокировать, а медаль давать. «Иосиф Циммерман, гражданин Земли, за просветительскую деятельность награждается...» К чёрту медали, в кабине у себя повесьте. Бежать надо. Только куда? Затравили, с-собаки...

Я сунул пальцем в «шоколадку» дверного пульта, пригладил волосы, ожидая пока отъедет в сторону шторк...

– А-а!

Чудище, вставшее на задние лапы, ощерилось, вывалив язык, жарко дохнуло, глянуло на меня четырьмя глазами. Ящер? Слюна капала с его клыков. «У него бакенбарды! – мелькнула у меня паническая мысль. – Да что бакенбарды... Вторая голова!»

Вторая голова монстра, похожая на кокосовый орех с глазами, высунулась из-за левого уха головы первой, потом из-за правого... «Первый раз вижу, чтобы разные головы», – ужаснулся я, ища кобуру. Её на поясе не было. Пояса не было тоже. Откуда взяться оружию сразу после прыжка? Подстерегли... как Глеб говорил? В чём мать родила, в халате и шлёпанцах. Мама! Хочу обратно!

– М-ма! – Я потянулся к пульта: «Закреть!» – но чудище поставило нижнюю лапу в шнурованном сапоге на дверной рельс и зарычало, брызжа слюной.

«В сапогах, но не кот. Больше всего похож на... Или похожа?»

На меня напрыгнуло что-то, обхватило, перебралось, цепляясь когтистыми лапами, выше. От него воняло зверем. Глазастый кокос... Я пошевелиться боялся, думал: «Это не вторая голова, их двое. По два глаза на каждого. Большой и маленький. Ребёнок? Разведчик? Воняет от него, как от обезьяны». Крупный монстр рычал и подскуливал, стаскивая с меня за поводок мелкого зверя. Я ничего не имел против; вот ещё бы этот большой не хватал меня за руку.

Четырёхпалая когтистая лапа. Один противостоящий палец. Что он мне хочет дать? Я принял сверкающую горошину. Что?!

Он, ворча, указывал на ухо. Разумный он, что ли? Одет. Но обрядить можно и мартышку в цирке. Может, это не одежда, а лепестки псевдоподобия? «Нет, на ящера не похож. Скорее на огромную собаку, которую побрили и заставить ходить на задних. Чего он от меня хочет?»

– Когтем в ухо – так мы не догова!.. – возмутился я. Потом понял: «А! Он хочет, чтоб я в ухо сунул шарик?»

Я повертел в пальцах сверкающую каплю и с опаской сунул в ухо. Горошина стала расти. Захоти я выковырять обратно, ничего бы не вышло. Зачем?..

– Привет, – приятным баритоном воркотнула у меня в ухе «капля» в тон рычанию собаководного монстра.

– Что это?

– Вы-ыр, – услышал я правым ухом собачье рычание.

– Толмач, – подсказал в левом ухе шарик, удачно передав интонацию.

Ага. Толмач, значит. Переводчик. Слышал я о чём-то подобном от младшего Глостера, не придал значения. Не всякой же чепухе верить! Кроме того, говорили мы, сколько мне помнится, про бету Эридана, а вовсе не про альфу Пса, пусть даже Большого. Система Сириуса – такие задворки!

– Дружище, что это мы с тобой, как двоюродные?! Вылезай из конуры! – Баритон в ухе звучал радушно, ворчание собаководного собеседника больше не казалось угрожающим. Когда он взрыкивал, толмач похохатывал: «Хо! Хо-хо!» Я подумал: «Только что хвостом не виляет», – и вышел из кабины. Украдкой посматривал на чудище. Хвоста у него не было или под одеждой прятал.

– Монк! – гавкнул собаководный. Я собрался ответить: «Очень приятно. Иосиф», но хорошо – не успел. Оказалось, это он прикрикнул на дружка своего мелкого. И за поводок дёрнул.

Мистер Монк взобрался, ловко цепляясь за белую ткань комбинезона, на собачий загрибок, затем уселся на покатом наплечнике, свесив хвост. На мистере Монке были бриджи и курточка военного образца. Неудивительно, что монстр в первый миг знакомства показался мне двухговым и четырёхглазым. У страха глаза велики и многочисленны.

– Хорт! – рыкнул собаколовый. Я огляделся.

– Хорт! – с неудовольствием повторил он, и тут я заметил, что он тянет ко мне лапу.

– Иосиф Циммерман. Можно просто Иосиф... Ёся.

– Хо! Хо-хо! Ёся! Двигай за мной, парень. Дело есть.

Я двинул. Куда было деваться? По дороге рассмотрел Хорта лучше. Был он выше меня, поджарый, сутулый, если не сказать изогнутый, но двигался на задних лапах не без изящества. Длинной мордой целился в горизонт, будто что-то высматривал. Его шикарные бакенбарды и брови браво топорщились, больше никакой растительности на бурой коже головы не было, между острыми большими ушами красовалась солидная плешь. В левом ухе посверкивала затычка. «Ну да, ему тоже ведь нужен толмач. Куда он меня ведёт? Вообще-то не время сейчас для болтовни. Нагрянут безопасники... А! Дурак я. Чужие отсеки пересадочной станции вне земной юрисдикции. До тех пор пока меня не опознали как лицо, находящееся во вселенском

розыске, можно не дёргаться. А когда опознают, попрошу политического убежища. Вот прямо у этого пса в скафандре и порошу. Зря я ему представился. Куда он меня ведёт?»

Идти было легко. Сила тяжести – процентов семьдесят земной, судя по ощущениям. Мы покинули зону углеродцев; неспешно миновали епархию силикатных форм жизни; оставили позади шлюзовые переборки бестельников, как высокого, так и низкого давления; повернули за угол возле броневых порталов кристалловirusов и остановились в тупичке перед узкой дверкой. «Служебное помещение, – прочёл я на унилинге. – Только для кинодов».

– Я не кинод, – предупредил я Хорта.

– Хо! Монк тоже не кинод, – отозвался тот, прикладывая лапу к четырёхпалому контуру на магнитном замке.

«Надеюсь, он пошутил», – подумал я и выдал смешок. Должно быть, толмач Хорта перевёл тоскливую эту фонему как неуверенное поскуливание.

Я протиснулся следом за Хортом в узкий собачий лаз, прищурился в полутьме и понял, куда попал. Зал стыковочных узлов, портал местного сообщения.

– Ёся! Пр-рошу! – пролаял Хорт. – Добро пожаловать на «Дикую обезьяну».

Он дышал мне в лицо, вывалив из пасти язык, мистер Монк на его плече пустился вприсядку от нетерпения. Я подумал: «Дикая обезьяна – это корабль его так называется? А недурно было бы затеряться среди местных кинодов». Подумавши так, взошёл на борт.

Корабль Хорта вполне соответствовал дикому названию. Судя по хрустевшим под ногами остаткам декоративных стеновых панелей и по планировке кормового отсека, он когда-то был туристическим лайнером, но теперь больше походил на обломок кораблекрушения. Я захотел выразить восхищение тем, что увидел, но как обратиться к Хорту, чтобы он не обиделся? Мне он «тыкал»...

– Бардак у тебя на борту, капитан, – сказал я. – Дал бы экипажу задание прибраться в конюшне.

– Какому экипажу?

«Он тут один».

– Ну, мистеру Монку, если больше некому.

– Хо! Монк охотничья обезьяна, а не уборщик, – заявил Хорт, пропустив меня в рубку. Всемилостивый Случай, что там творилось! Пустые банки, обрывки упаковочной бумаги, на обшивке пятна. Коридор выглядел нежилым, зато в рубке жили на полную катушку. Спали, жрали, и хорошо ещё, если чем похуже не занимались. Убийственный запах.

– Располагайся! – пригласил Хорт. Он очистил для меня кресло штурмана, сбросив на пол неузнаваемое барахло.

Я осторожно расположился. Какое удобное сиденье!

Хорт ворча устраивался на командирском месте. Это было непросто. Попробуйте усадить в человеческое кресло тощую собаку-переростка, поймёте почему. Толмач транслировал ворчание капитана «Дикой обезьяны» в мелодичный свист. Я слушал и удивлялся: «Чего он мучается? Почему не подберёт себе мебель по заднице?»

– Послушай, Хорт, мне бы хотелось...

– Сафари? Тур по национальному парку? Секс-тур?

– Чего?!

– Что не так, парень? Ты не думай, у меня всё породисто, борзо и законно. С легавыми занюхано, можешь быть спокоен. Я тебе не какой-нибудь Вуйк, я Хорт в седьмом поколении. Сукой моей клянусь...

– Погоди-погоди. – Я постукал пальцем по горошине. То ли толмач не справлялся с обязанностями, то ли я чего-то не понял.

– А чего тут годить? Дешевле, чем я, никто тебе секс-тур не сделает.

Я на секунду представил себе сначала суку, которой клялся Хорт, потом сукс-тур и, помотав головой, выдавил:

– Э-э... нет. Лучше я по национальному парку.

– Хо! А зря. Гомиды вроде тебя обычно выбирают секс-тур.

– Гуманоид гуманоиду волк.

– Это правда, – Хорт понурился, часто и мелко дыша. – Вуйку, паршивому сыну обезьяны, с гомидами снюхаться легче. Это потому что нет в нём ни на кончик когтя борзости, зато верхнее чутьё как у дворни. Тварь шерстистая! Увёл клиента...

– Какого клиента? Когда?

– А!.. – Хорт махнул лапой. – Парня, вроде тебя. Полчаса не прошло. Не успел я. Понимаешь...

Он стал жаловаться на некоего Вуйка, который постоянно перехватывает жирных туристов, пользуясь их тугонюхостью, а я размышлял: «Полчаса не прошло. Собачий конкурент перехватил у него Глеба. Догнать?» Я перебил Хорта на полуслове:

– Куда он его повёз?

– Кого? А, понятно. Ты опять про Вуйка. Вынюхиваешь? Дешевле, чем у меня, не будет.

Надо было решаться. Ясно как день – Хорта заботила исключительно коммерческая сторона вопроса, мне же следовало правдой или неправдой поспасть на Киноду и попробовать отыскать там Глеба. И с пересадочной станции смыться не помешало бы. Юрисдикция юрисдикцией, а безопасники превышают полномочия сплошь да рядом.

– Хорт, – осторожно начал я. – С наличными у меня туго.

– К фелидам реалы, давай кредиты.

– Но с кредитом у меня тоже паршиво.

– Лизинг? – деловито предложил сын собаки, высунув язык дюймов на шесть.

Как-то слишком рьяно он лизинг предлагал, аж слюна с языка капала, но выбрать не приходилось, и я вытащил из рукава козырь:

– Оплата по возвращении на пересадочную станцию?

«Куш, дружок! Чёрта с два я сюда вернусь, дай только до планеты добраться».

– Хо! Хо-хо! Идёт! Схвачено! – без раздумий согласился собакоголовый. – Желаете лизинг, будет тебе лизинг. Договор... где он тут у меня? Ты уверен, что хочешь в национальный парк? Секс-тур...

– После. Сначала парк.

– Для затравки? – кося глазом, поинтересовался Хорт. При этом он что-то делал с главным экраном навигатора. – А, вот он. Значит, хочешь лизинг. Тогда подпиши.

Я глянул на экран. Шрифт незнакомый, хвостатые буквы. «Не подавать виду, что не понимаю».

– А ты как же? Со своей стороны подписать не собираешься? – спросил я, пролистав договор до конца.

– Это не нужно. С моей стороны давно подписано.

Я пожал плечами и приложил палец к светлому пятну на экране – месту подписи.

– Хо! Спасибо, хозяин, – Хорт оскалился. Непонятно, с издевкой или приветливо. Пёс их знает, этих кинодов.

– Почему хозяин?

– Потому что отныне и до полного исполнения договора лизинга ты хозяин «Дикой обезьяны». Ремень пристегни.

Я едва успел последовать его совету; корабль, с места заложив умопомрачительный вираж, отчалил от пересадочной станции. Меня садануло по лбу какой-то картонной дрянью, рекламные проспекты, разбросанные по полу, бабочками запорхали по кабине.

– Полегче! – пропыхтел я и тут заметил, что Хорт и не думает управлять. Сидит, как статуя Анубиса на крышке саркофага, Монка на коленях держит, а тому, похоже, дикие фортели роботизированного корыта не в диковину.

– Кто будет вести корабль? Мистер Монк?

Хорт сарказм пропустил мимо кончиков своих великолепных ушей, спокойно ответил:

– Вести? Это не нужно, парень. «Дикая обезьяна» знает дорогу.

«Зачем же ей тогда капитан?» – спросил я себя, но ответа не придумал. Устал.

Перелёт на Киноду я перенёс хорошо. Спал, пока меня, как бревно во время лесосплава по бурной речке, болтало и ворочало в штурманском кресле одичавшего туристического лайнера. Когда проснулся, чувствовал себя соответственно: не голова на плечах, разбухшее дерево. Не знаю, что видят во снах своих сплавляемые брёвна, лично мне снилась всякая мерзость: хвостатые женщины в бриджах и курточках военного образца, как у мистера Монка. Они играли в футбол бароскафом Гелиани, а сам Нетяж XXVI-ой Бездетный клубился рядом со мною, принявши вид грозового облака, шваркал молниями и рокотал громом: «Бр-родяга! Проходимец! Ты за это ответишь-шь!» «За что?» – спросил я во сне. «За обезьяну ответишь!» – зловеще шепнул Гелиани.

– ...ответишь? – услышал я, пробудившись от дрёмы. Толмач не дремал, переводил разговор Хорта с диспетчерской.

– Ну и ладно, отвечу, – беспечно отвечал диспетчеру Хорт. – Есть чем. Честное борзое слово, удачно поохотился.

Я потянулся, продрал глаза. «Дикая обезьяна» заходила на посадку по дикой траектории. Даже мне, человеку привычному к безумным манёврам челноков местного сообщения, и то стало не по себе. «Даст козла, собака. Шлёпнет брюхом», – думал я, вцепившись в подлокотники и нащупывая ногой педаль накачки. Чего только спросонок не сделаешь. Не было подпятника, педали накачки тоже не было. Чёртова обезьяна задрала нос. Меня вдавило в кресло, затрясло. Я услышал, как Хорт лязгнул зубами и заворчал. Толмач ругнулся: «Чтоб тебя...» – затем сделал паузу, выдал бесцветным тоном: «Перевод невозможен», – после чего беззлобно продолжил: «... и щенков твоих до седьмого колена, в нюх мартышкой безмозглой трахнутых».

– Кому это ты?

– А? – Хорт смутился. – Извини, вырвалось. Лезет иногда под язык всякое, нахватался от дворни. Охота дело борзое, но без дворни какая охота? Баловство.

– Ты охотник?

– Я Хорт в седьмом поколении, – высокомерно заявил Хорт.

Я счёл за благо замять разговор. Представил себе, как борзый мой собеседник выходит на охоту... С кем? Пусть Мистер Монк – охотничья обезьяна, но причём здесь дворня? Ладно, пёс с ней, с дворней. На кого Хорт охотится?

– На тебя... – шепнул толмач. Почудилось?

– На тебя поступила жалоба от консула, – скрипнул в динамиках командирского пульта голос диспетчера.

– Это Вуйка штучки, он натравил, – весело пролаял Хорт. – Пошлите его к фелидам. Щенок, обезьяний ублюдок. Консул тоже хорош, слушает всякую непородную сволочь.

– Я тебя предупредил.

– Ладно, с меня причитается. Умеешь ты, Бруд, испортить настроение.

– Есть что портить? Тебя можно поздравить?

– Говорю же, есть, – Хорт скалился, косил глазом. – Нужен трап. Подавайте, да побыстрее.

Пока они переговаривались, тряска прекратилась.

– Прибыли! – сообщил Хорт.

Меня мутило. Надо было встать, пройтись, дохнуть свежим воздухом после провонявшей чёрт знает чем кабины. Пригоден ли он для дыхания? «Дурак, – обозвал я себя. – Хорт без

скафандра дышит тем же, чем дышишь ты. Атмосфера Киноды, стало быть, тебе не повредит. Отстёгивай ремень».

– Секс-тур? – спрашивал у Хорта диспетчер.

– Национальный парк.

– Значит, сначала питомник, – скучно бормотал диспетчер.

Я представил себе, как он делает пометки в журнале регистрации приезжающих – такой же остроухий пёс, только не в комбинезоне, а в кителе. Кажется, Хорт назвал его Брудом. Интересно, это имя или фамилия? Похоже, фамилия. Капитан мой говорил о себе: «Я Хорт в седьмом поколении».

– Трап у борта, – услышал я. – Можешь выводить.

Мне не понравилось это «выводить». Огрех перевода? Не надо меня выводить, сам выйду.

Я поднялся, размял ноги и двинулся к выходу. После вони в рубке воздух кормового отсека показался приятнее морского бриза. Из шлюзовой камеры дунуло прохладой. «Национальный парк. Реки, леса. Лучше чтобы субтропики. Растения, живность всякая... Прогуляюсь, отдохну».

– Сюда, – гавкнул Хорт и подтолкнул в спину.

Я не сразу понял, где оказался. По глазам резануло светом, ослепило. Над головой лязгнуло, за спиной я услышал мерзкий скрежет. Щурясь оглянулся. Хорта и меня разделяла решётка.

– Что это?

– Трап, – ответил Хорт, по-волчьи скаля жёлтые зубы. Сомнений быть не могло, он улыбался. – Это трап, парень. А я траппер.

Глава вторая

Я не находил себе места, метался из угла в угол по камере, как пойманный тигр. «Должен быть выход! Должен! Всемиловый Случай! Так врюхаться! Поймали как маргышку – дырявым кокосом. На мякине провели, подсунули – подписал. Хорошо хоть не смертный приговор».

– Лучше бы меня затравили собаками! – бормотал я. Бесновался так, что не услышал шагов, и тогда только остановился, когда что-то звякнуло об пол. Миска?

Визгнула в полозьях решётчатая шторка, дюжий бородатый кинод нижней лапой толкнул миску; та, шкрябнув дном, скользнула по кафельному полу в камеру. «Служитель. Кормит питомцев». Мне захотелось наподдать по миске так, чтоб рыбки тушки разлетелись в разные стороны, но во-первых, страшно есть хотелось, а во-вторых... «Спокойно. Отношения портить не надо, даже наоборот. Самое время разобраться, в какое дерьмо влип».

Кое-что я понял из разговора с Брудом, если это можно назвать разговором. Лай, свара. Поначалу они с Хортом развлекались, перебрасывались замечаниями, когда в клетке везли орущего и брызжущего слюной меня к питомнику, но тут я что-то такое крикнул... Назвал их... Как? А, ну да. Паршивыми дворнягами. Это их почему-то задело; толмач твердил: «Перевод невозможен... Перевод невозможен...» – а они на пару не лаяли даже, брехали. Дурацкая ситуация. Представьте: везёт вас по космодрому роботизированная тележка к баракам; ряженая чиновником бородатая собака через решётку толкует о ваших правах, а вторая собака в комбинезоне и с бакенбардами скалится так, будто имеет на это право... Ну, вы понимаете. Я вспыл. Любой на моём месте не сдержался бы. Себя самого стоило облаять, что и сообщил мне Бруд, когда зачитывал статьи подписанного мною договора. Да, говорил он, вы действительно получили по договору оперативного лизинга туристический лайнер бортовой номер такой-то, приписка Кинода – Закатный архипелаг – Национальный парк, но за лайнером тянется пышный долговой хвост, четыре тысячи пятьсот шестьдесят один кинодский реал, с учётом последней посадки. Желаете оплатить? Да, соглашался он, вы, конечно, можете прервать тур в любой момент, но только после того как внесёте полную стоимость плюс издержки на ваше содержание и трансфер к пересадочной станции. Желаете оплатить? Да, успокаивал он, жизнь ваша и свобода обеспечивается всякими там соглашениями, законный сеанс связи будет вам предоставлен сразу, как только появится техническая возможность, но, к сожалению, порт с незапамятных времён лишен средств дальнего сообщения.

Вот тут я и вспыл. Для затравки высказал, что думаю о Хорте и его бакенбардах, потом прошёлся по экстерьеру Бруда и на закуску назвал обоих паршивыми дворнягами. Зря. Надо было расспросить, почему это в их паршивой псарне нет хотя бы одного паршивого энтенглер-модема, и как они докатились до паршивой жизни такой, но после моего намёка на дворняжность собеседников вопросы задавать стало бесполезной тратой времени.

«Сейчас хотя бы не прошёлкай пастью», – сказал я себе и наклонился за миской, исподлобья глядя на служителя. Он не показался мне злым или высокомерным – крупный, шевелюра кучерявая, уши с заломами. Борода, усы. Морда квадратная. Добродушный амбал.

– Извините... – начал я, с отвращением глядя на рыбу. Терпеть её не могу. Всё что плавает – не еда, а эта мерзость вдобавок ещё и сырая.

– Святые угодя! – Служитель отшатнулся, раззявив пасть. – Говорящая обезьяна!

Я подавил желание швырнуть в него миской. Прошипел сквозь зубы:

– Я не обезьяна, а человек!

Он не сразу пришёл в себя, бормотал: «Что значит, не обезьяна, а обезьяна?»

Опять огрехи перевода? В местном языке слово «человек» отсутствует? Лаяться по этому поводу глупо, надо искать решение.

– Я не обезьяна, а гуманоид!

– Вижу, что ты гомид, – пыхтел, раздувая усы, служитель. – Но они ведь... Правду, значит, говорила Эрделька про говорящих гомидов, а я не верил, и ещё облаял её, чтоб не забивала голову оккультной бредятиной.

– Много ты понимаешь в гомидах!

– Много? Да ничего я в вашем брате не смыслю. Гомиды к нам сюда не попадают, их почему-то везут напрямиком в охотничьи угодья или в балаган, смотря по сезону.

«Охотничьи угодья это сафари, а балаган... Балаган мне Хорт не предлагал, втюхивал секс-тур. Этот барак – питомник. Что в таком случае национальный парк?»

– А ты, значит, говорящий гомид, – бурчал служитель, держась лапой за решётку. – Может и те, что в балаган попадают, говорящие? По ним не скажешь, когда они этим делом занимаются. Однажды Эрделька меня туда затащила, давай говорит, хочу глянуть, как они это делают. Смех и грех, блуд фелидский. А ты, значит, говорящий. Хороший парень. Ну скажи тогда, как тебя звать? Кличка имеется?

– Имя моё Иосиф, фамилия Циммерман, – ответил я с достоинством.

– Фамилия? Породный гомид, надо же! – восхитился он. – Мы попроще. Эрды мы, я и моя Эрделька. Ну что, ваша гомидская борзость, откусать изволите или как?

Гордость моя боролась с голодом. Поколебавшись, я ответил: «Сырую рыбу не ем», – и выставил наружу миску.

– Да? Вот ведь как, – проворчал Эрд. – Ну, сушить её для тебя никто не станет.

«Он что же, так и уйдёт?» – Я проводил взглядом жирные тушки, кинулся следом, за решётку схватился, крикнул:

– Эрд!

– Чего тебе ещё? погоди, я соседа твоего подкормлю, он не такой борзый, ест что дают.

Я попробовал просунуть между прутьями голову, но не вышло. Гулкое коридорное эхо повторило скрежет решётки, звяк стали об кафель, скрип. Затем неизвестный сосед мой принялся громко урчать и чавкать, поедая мою порцию. Я непроизвольно сглотнул слюну, думая: «Ну нет. Сдохну, а сырую рыбу жрать не стану».

Чтобы отвлечься от гастрономических мыслей, стал придумывать, как подъехать к Эрду. Разговорить бы его...

– Что ты хотел? – спросил Эрд, снова явившись к решётке.

– Ты не в курсе, скоро меня отправят в национальный парк? По договору у меня прогулка, почему вы меня в питомнике держите?

– В парк торопишься? Я бы на твоём месте не спешил. Хилый ты с виду, долго там не выдержишься. Скоро ли тебя выпустят, спрашиваешь? Это как получится. Как наберётся публика, так и отправят. Сам подумай, чего хозяевам рыбу на тебя изводить без толку, хоть ты её и не жрёшь? Но, думаю, не скоро это будет. Кербер на сворке, возле самого Арбора рыскает, фелиды сейчас полусонные, публику не соберёшь. Вот закатится Кербер...

Эрд оказался словоохотливым, должно быть соскучился среди бессловесных питомцев. Я слушал очень внимательно, временами вставляя замечания, хоть Эрда и не нужно было науськивать. Вот что я понял: Кербером они называют Сириус-Б, Арбор – по-нашему Сириус-А. Кинода обращается в плоскости орбит звёздной пары, полюсом смотрит на Арбор, поэтому над Архипелагами Полуденного полушария он не закатывается никогда. Когда садится Кербер, наступает время фелид – каких-то местных зверей. По словам Эрда получалось, что дикие фелиды хищны и коварны, но в это время года не проявляют агрессии, по большей части спят. В национальном парке они разгуливают свободно, почтенная публика может всласть насмотреться на игры этих зверей с питомцами. С безопасной позиции. Всё это меня возмутило до крайности, особенно замечание Эрда:

– На тебя бы я не поставил, хоть ты и говорящий. Фелида тебя слушать не станет, сначала отъест голову. Хотя... Сидел у меня один хлопик вроде тебя, только шестилапый, говорить не говорил, зато летать умел. Крылья у него оказались под панцирем. И бойцом был знатным, потому и выжил. Может, ты летать умеешь?

– Нет, – ответил я, с натугой переваривая информацию.

– Ты боец?

– Да как тебе сказать... – проямлил я.

– Так какого рожна ты в парк торопишься?

«Никуда я больше не тороплюсь. Пожрать бы, поспать, подышать свежим воздухом», – с тоской подумал я, а вслух сказал.

– Да я не в парк, ты не понял. Прогуляться бы...

– А, так тебя вывести надо? Так бы сразу и сказал. Беда с вами. Сидите молчите, пока не обгадитесь, а мне убирать. Ты хоть не огнегадящий?

– Какой?

– Ну, как твой сосед, к примеру. Тот, если его не выводить долго, как бабахнет задницей! Дым, вонь. Всё в загоне пожёт, поганец, даже краска на стенах в струпьях. Ты не такой?

– Нет.

– Вот и хорошо. А ещё лучше, что ты говорящий. Иному молчуну поди втолкуй, что во двор по галерее направо. Приходится шевелить дурака погонялкой. Не люблю я этого. И вы не любите. Какой животине в здравом рассудке понравится, когда ей под хвост тычут разрядником? Ну что, я сейчас выйду из галереи, а то мало ли, вдруг ты с виду только спокойный, а на деле бешеный или ядовитый какой.

Эрд, оставив разрядник в расстёгнутой кобуре, вытащил из кармана робы измызганный пульт дистанционного управления, но нажимать не спешил.

– Не ядовитый я. Открывай, не брошусь, – взмолился я. Очень хотелось прогуляться.

– Смотри у меня. Разрядник – вот он. Выходи.

Я прогуливался по тесному дворику, заложив руки за спину. Добродушного надсмотрщика получилось уговорить – загонять меня сразу он не стал; сам рад был случаю посидеть под тентом, подышать морским воздухом. Со стороны моря двор ограждён не был. Только полному идиоту могло прийти в голову сигануть с такой высоты – метров тридцать, это как минимум, и дно незнакомое.

Эрд курил трубку. Сразу её вытащил, как только очутился под открытым небом. Проворчал: «Ты, говорящий. Смотри, не скажи никому», – и стал, прикрываясь от ветра, прикуривать. Выпустил первое облачко дыма, воровато оглянулся, как мальчишка, честное слово. Я подумал, что курить надсмотрщику не полагается, однако во время прогулки он почему-то не боится, что его поймают на горячем, озирается по привычке, а не по необходимости.

На мальчишку Эрд похож не был, напоминал разомлевшего курортника или отставного капитана лайнера местного сообщения. Развалился в шезлонге под рваным тентом, растянутым над широкой лестничной площадкой, более всего смахивавшей на капитанский мостик древнего судна. Казалось, он дремлет, но облачка дыма выпускал как по таймеру, раза три в минуту.

Я прохаживался, осматривался, думал: «Решётка галереи за его спиной. Заперта. Пульт у него в кармане. Дохлый номер. Не факт, что на этот пульт выведены наружные двери. И где они, наружные двери? Морем пахнет. Что он курит? Дым приятный. Интересный какой в питомнике прогулочный дворик. Раньше был ограждён». От парапета остались обломки стоек – ржавые редкие зубья. Странная планировка для тюремного двора, больше похоже

на смотровую площадку. И эти двери... В тылу двора, под лестничной площадкой, где нежился в шезлонге надсмотрщик, в серую монолитную стену врезаны были двери с электронными замками. Косясь на Эрда, – тот не возражал, плевать ему было, чем занят питомец, – я подошёл ближе, всмотрелся. «Двери точно как на станции. Только для кинодов. Нет, шире и ниже. И там на замке контур четырёхпалый. А тут вообще нету никакого контура. Отпираются с другой стороны? Может, с пульта? Что за надпись?»

Мелкие хвостатые буквы на панели замка. Что тут написано?

– Приложите ладонь, – равнодушно пробубнил толмач.

Я вздрогнул, выскочил из-под лестничной площадки. Нет, Эрд молчал, на меня не обращал внимания. Показалось мне, или толмач по собственной инициативе?.. Я вернулся к двери и снова спросил себя, уставившись на хвостатую надпись: «Что тут написано?»

– Приложите ладонь, – повторил толмач, как мне показалось, тоном усталым и недовольным. Кому понравится дважды отвечать на один и тот же вопрос?

Я машинально последовал совету – ладонь положил на пластину с надписью. Замок подмигнул зелёным глазом, дверь с тихим шелестом скользнула в паз; в коротком узком коридоре с голыми стенами вспыхнули лампы. В конце коридора... «Лестница? Извини, дружище Эрд, я не буду спрашивать разрешения. Интересно, что там, внизу. Говорят, любопытство сгубило кошку, но я ведь не кошка».

Как только я вошёл, дверь за моей спиной закрылась. Полотно глухое, даже если Эрд спохватится сразу, понять за какой дверью я спрятался – та ещё задачка. Почему его не беспокоило, что я могу сюда смыться? Куда ведёт лестница? Можно ли выйти обратно? Я обернулся. Замочной панели с этой стороны не было. Я запаниковал. Орать хотелось и по двери барабанивать чем попало, еле сдержался. Закрыв глаза, подышал, потом двинул к лестнице. Шёл крадучись, хоть и не знал, чего и кого следует опасаться. Размышлял, чтобы не удариться снова в панику: «Не подстроено ли? Слишком просто: ладошку приложил – открылась нора. Зачем тогда замок, если кто угодно может... Погоди-ка. С чего я взял, что кто угодно?»

Лестница длинная, в конце площадка. Времени на размышление не очень много, но, пока спускаюсь, надо разобраться в положении.

«Эрд вёл себя так, будто никаких дверей нет. Возможно, он считает, что двери заблокированы. Почему? Казалось бы, достаточно прочесть надпись, приложить к панели ладонь... Стоп!» Я остановился на площадке. Хлипкая дверь с окошком, никакого замка нет в помине. Приоткрыта. Сквозь матовое стекло сеется на пол свет, а в щель между дверью и притолокой льётся потоком. Чертовщина какая-то. На двери надпись.

– Что здесь написано?

– Пожарный выход, – скучно сообщил толмач.

«Пожарный выход? Из тюрьмы? Бред! Тюрьмой это здание раньше не было. Терраса не была тюремным двором. Кто угодно мог открыть дверь. Эрд полагает, что открыть не может никто. Что из этого следует?» Сделать вывод я не успел, потому что сдуру распахнул дверь и выперся наружу, точно как на крыльцо собственного загородного дома.

Улица, разбитый тротуар, в трещинах травяная щетина. Жара. Порывом ветра дверь чуть не вырвало у меня из рук, глаза запорошило песком. Пылевой чёртик хлестнул серым хвостом стену, потом, словно бы оттолкнувшись, махнул через дорогу в тень дома. «Тени чёткие – отметил я, – и короткие, Арбор в зените. Чёткие и густые. Это по контрасту. От света глазам больно. Спрятаться в подворотню?»

В подворотне дома напротив чернильная тьма. Я выпустил дверь, сделал шаг, но чуть не упал – не заметил ступеньки. Выпрямляясь, засёк краем глаза в подворотне шевеление. Сгусток тьмы ожил, сверкнул белками глаз, зевнул. В голове мешанина, обрывки какие-то: «Время фелид... Они полусонные... Разговаривать не станет... Отъест голову... С безопасной

позиции...» Позицию нельзя было считать безопасной. Твари хватило бы одного прыжка. Я не знал, как выглядит фелида. Если это она...

– К-какой сукин сын выпустил на улицу... – шепнул я, пятась к стене. Лучше бы я молчал. Стоило заговорить, тварь меня заметила. Мгновение мы смотрели друг дружке в глаза, затем она раскрыла пасть.

Надеюсь, никогда больше не придётся так бегать. Не разбирал дороги, ломился, себя не помня. На перекрёстках сворачивал несколько раз, надеясь сбить зверя со следа. Дыхание сбил, ящики какие-то свалил, зацепив локтем, но когда остановился отдышаться и оглядеться, снова увидел чёрную бестию. Она перескочила через разваленные мною ящики с кошачьей грацией, совершенно бесшумно. Впрочем, из-за собственного дыхания слышал я плохо. Всё плыло перед глазами, в ушах шумело. Собрав силы, я ещё раз свернул за угол и побежал, но что это за бег – со сбитой дыхалкой и на ватных ногах... «Догонит. Прятаться надо за какой-нибудь дверью». Как назло, в проходе, куда я свернул, стены были глухие. Ни дверей, ни окон ниже третьего этажа. Мне почудилось впереди рычание. «Она же была сзади!» Оглянуться не хватило духу. Рёв усилился, я сообразил – не живое, механизм, – выскочил на перекрёсток и увидел его.

Он нёсся прямо на меня, посверкивая широко расставленными фарами. На перекрёстке рыкнул, выпустив облако чёрного дыма, заскрежетал и, когда мне показалось: вот сейчас он размажет меня по стене, – отвернул в сторону и пронёсся мимо. Не сбавь он скорости на повороте, я бы не уцелел. Не знаю, почему решился запрыгнуть в кузов. Слишком быстро всё это произошло. Увидел я, как мелькнула мимо кабина – откуда только силы взялись. Боли от удара не ощутил. Смотрю – я в кузове, на коленях, за борт хватаюсь, а та чёрная осталась с носом. Прыгнула и промахнулась. Может, её машиной задело, не знаю. Какое-то время я ещё видел, как она хромотает далеко позади, потом мы вывернули на шоссе и увеличили скорость. Чтобы не вывалиться на ходу, я сел на ребристый грязный пол.

Городские кварталы остались позади. Дорога пошла вдоль морского берега, через лес. Кузов провонял рыбой и чем-то сладким, надсадный рёв двигателя пробирал до животиков, меня подташнивало, но всё это мелочи. Спасся. Я с нежностью глянул сквозь заляпанное грязью заднее стекло кабины на лохматые затылки спасителей. Киноды, конечно, не люди, но всё-таки... Я стал готовить благодарственную речь. Не пригодилась.

Грузовик сигналил, не сбавляя скорости; я глянул вперёд, увидел высоченную стену и распахнутые ворота. Потом машину занесло, она затормозила так резко, что меня швырнуло на пол.

Я поднялся, цепляясь за борт, услышал глухое ворчание, затем лай.

– Смотри-ка, Шпицко, что за дрянь у нас в кузове, – перевёл толмач. – Эй, ты! Сидеть!

– Стреляй, – буркнул Шпицко. – Чего с макакой разговаривать? Стреляй, пока не бросилась.

Они стояли на подножках грузовика, нацелив на меня древние ружья.

– Не стреляйте, – попросил я, поднимая руки.

Глава третья

Хорошие они были ребята, эти наркоторговцы. Весёлые, предприимчивые. Меня не обижали, а после беседы со старшим Мастини перестали обзывать макакой. К персоне, с которой босс заключил личное соглашение, нужно относиться почтительно, кем бы персона ни оказалась. Личная макака босса – это фигура. Шут при короле.

Старший Мастини был королём, любой обитатель Мастини-лога, несогласный с таким положением дел, знакомился со сворой младших Мастини, и те в мгновение ока убеждали глупца в законности королевской власти. Владения Мастини обширными не были, территориальных претензий к соседям король не имел, с властями Тайган-лога и администрацией национального парка жил в мире и согласии, ссорился только в том случае, если сотрудничество переставало быть взаимовыгодным. Выгода – единственное, что интересовало старшего Мастини по-настоящему. Я понял это при первом знакомстве, и тут же слабостью короля воспользовался.

Мы встретились в салуне госпожи Муди, почтенной суки, державшей это заведение пятый сезон кряду. Поговаривают, раньше Муди называли иначе и почтения не выказывали, но, верно, брешут из зависти. Мелкие салунные сучки такие злые. Я признаю факты, одни только голые факты. Вот они: салун, носивший в прежние времена звонкое имя «Случка» (или «Течка», уже не помню) она переименовали в «Борзую масть» и на такую лапу поставила дело, что сам державный Мастини стал к ней заглядывать при закатных тенях. Оставался иногда до теней рассветных. В ходе очередного его визита мы и познакомились.

Меня притащили в салун для смеху. Шнауц, допрашивая «макаку» после поимки в кузове грузовика, до щенячьего визга дохохотался, по его собственному выражению. Даже Шпицко – злобный и мрачный тип, – и тот охрип, вылаивая:

– А-а! До... до... О-о, я не могу!.. Договор лизинга! И язык вывалил! Хорт! Его борзейшество траппер, поставщик говорящих макак!

– Сроду ничего смешнее не слышал, – пыхтел, тряся бородой, Шнауц. – двадцать против одного, если обезьянку эту выпустить на эстраду мамыши Муди, взвоят все.

– Кроме самой Муди, – буркнул Шпицко, мрачней. – Эта навсегда отвылась.

– Да ладно тебе, я сам видел, как она подвывала Мастини.

– Держи язык на сворке, – огрызнулся Шпицко. – Сравнил Мастини с какой-то макакой. Говорю тебе, не будет Муди смеяться.

Они едва не погрызлись. Мне наскучило слушать это: «Будет – не будет», – и я вмешался. Сказал:

– Лааетесь как щенки. Я слышал, кто-то тут ставил двадцать реалов против одного?

– А он дело говорит, – оживился Шпицко. – Тебя, Шнауц, никто за язык не тянул. Вот мой реал, ставь двадцатку.

Он шлёпнул об стол лапой, а когда убрал – на столе осталась монета.

Шнауц с полминуты разглядывал меня (в ошейнике на цепи), Шпицко (мрачного, настроенного серьёзно), реал (серебристый, блестящий), – затем вышел.

– Болван, – едва слышно привизгнул Шпицко.

Шнауц вернулся, и стал выкладывать на стол серебристые кругляшки. Ворчал в бороду, считал: «Пятнадцать, шестнадцать...» Досчитав, сунул остаток в карман, сгрёб реалы на столе в кучу и сказал:

– Схвачено. Кто держит банк?

Они ели друг друга глазами, обо мне забыли.

Я поднялся, звякая цепью – коротковата! – дотянулся до кучки реалов, смёл их в ладонь и проговорил деловым тоном.

– Банк держу я. Условия пари: Шнауц против Шпицко, двадцать реалов против одного, что Муди будет смеяться.

– Взвоят, – поправил Шпицко.

– Ты говорил: «Не будет смеяться». Виляешь?

И тут до них дошло.

– Ты что делаешь, макак бесхвостый! – возмутился Шнауц, увидев, как я распихиваю по карманам двадцать один реал.

– Деньги на стол! – взрычал Шпицко, хватаясь за ружьё.

– У меня не пропадут.

– И то верно, – Шпицко ослабился, ружьё закинул за спину.

– Не понял, – вид у Шнауца был такой, словно забыл, где зарыл кость.

– Деньги не пропадут, никуда эта макака с цепи не денется, – бросил Шпицко через плечо.

Затем он со словами: «Жрать ему принесу», – вышел из комнаты.

– Ну да, – бурчал Шнауц. – Не денутся. Твоих там один реал, а моих...

Он глянул на меня исподлобья, хотел что-то сказать, передумал. Видно было – переживает. Пожалел я его.

– Не волнуйся так, – говорю. – Всё будет в ажуре.

– Волноваться надо не мне, а тебе, – сказал вдруг Шнауц.

Приблизившись, подцепил когтем ошейник, подтащил к себе так, чтобы ухо моё оказалось рядом с его пастью, и негромко добавил:

– Сделаешь так, чтоб Муди взвыла. Ты понял? Иначе...

Он был прав, жалеть мне нужно было себя самого.

– С тебя десять реалов, если взвоят, – сказал я.

Шнауц шумно дышал мне в ухо. «Без грубостей, щенок, – думал я – иначе накроются твои денежки». Надо полагать, Шнауц это понял тоже. Пари есть пари.

– Ладно, обезьянка, – проговорил он, выпуская ошейник. – Договорились. Но если Муди не взвоят, продам тебя к ней в салун за двадцать монет. Когда придёт время фелид, кое-кто с тоски обязательно захочет поразвлечься с макакой. Так я и скажу Муди, а она сука дошлая.

Вернулся Шпицко, поставил на стол передо мною мятую стальную миску. Опять рыба! Мерзость. Хотя...

– Ему ни слова, – попросил Шнауц, дождавшись, пока приятель выйдет.

Я не ответил. Принюхивался, глотая слюну. Есть хотелось ужасно. Селёдка? Ну, это ведь совсем другое дело!..

– Ты что, оглох? – выверился Шнауц. – Э! Макак! Ну, ты здоров жрать. Обезьянчик! Ты слышишь или нет? Ничего ему не говори про десять реалов. Эй, ты! Сейчас заберу.

Я вцепился в миску и зарычал:

– Убери лапы, животное! Ничего никому не скажу. Лапы убери, укушу!

Шнауц беззлобно фыркнул и оставил меня наедине с селёдкой.

«Двадцать один реал есть, – думал я, насыщаясь. – А должен я по договору четыре тысячи пятьсот с чем-то, если только не набегит ещё, пока я тут буду смешить сук. Негусто, но хоть что-то для начала. Ничего, я научу паршивых щенков бизнесу».

Утолив голод и жажду, я заснул в углу на циновке. В час закатных теней Шпицко разбудил меня пинком. Они со Шнауцем принарядились, и мы втроём отправились в салун госпожи Муди. Поводок был в лапе у Шнауца, Шпицко тыкал меня в спину ружьём, чтоб «не надумал сбежать с деньгами». Хорошие они ребята, наивные как дети.

В салуне госпожи Муди дым стоял коромыслом. Меня живо пихнули в тёмный угол, чтоб не попадался на глаза раньше времени, и задвинули столом. Побег не входил в мои планы, бегать – бестолковое занятие, особенно когда не знаешь, куда и зачем бежишь. Надежды найти

в собачьей кутерьме Глеба испарились, без денег путь к возвращению в человеческое общество был закрыт. «Что ж, посмотрим, на чём тут можно подзаработать», – решил я.

Когда-то салун был рестораном. Играл на эстраде оркестрик, кто-то пел блюз; за стойкой суетился бармен, сновали между столиками похожие на императорских пингвинов официанты, томные дивы, высунувшись из коктейльных платьев по самые...

Я помотал головой. Ничего этого больше не было.

Бренчал возле эстрады музыкальный автомат, похожий на кибера в индейской боевой раскраске; крепкая рыжеватая сука, затянутая в ртутный комбинезон, вертя задом, рычала и выла в микрофон; за стойкою, свесив щёки, дремал распорядитель. «Морда бульдожья», – отметил я и стал рассматривать посетителей. Общество собралось пёстрое, шумное, без претензий. Кто-то шлёпал по столу картами, кто-то разглядывал манерно рассеявшихся на табуретах мелких сучек, кто-то подвывал той рыжей... «Акито-Ино», – сообщил Шпицко. Я заметил – он судорожно зевал и постукивал когтями по столу, – хотел бы подвыть, но держал себя в рамках. Я думал, мы закажем какую-нибудь еду, но, приглядевшись, заметил – никто не ест, все курят. Вскоре у столика возник тощий щенок в белой хламиде и стал с поклонами раздавать трубки. Я хотел отказаться, но Шнауц прогудел: «Бери, дурак, иначе выставят в шею». Курить я не стал, и без меня дым лежал слоями. Потянул носом: знакомый запах – Эрд курил то же самое зелье.

После пары затяжек Шнауц поменял позу – высунул в проход задние лапы, – а Шпицко раскрыл пасть, но не подвывать стал, а подскуливать, изредка пихая меня в плечо и твякая: «А, с-сука!.. А!.. Давай!.. На четыре!..»

Акито-Ино, словно услышав, повернулась спиной к залу, и, опустив передние лапы на пол, изящно отклячила зад.

Я глянул на Шпицко. Пасть раззявлена, дым оттуда облаком, глаза – два шарика для пинг-понга. Миг – и в зале задребезжали стёкла от воя и топота. Сумасшедший дом. Я поморщился, глядя на взбесившихся псов. Казалось, сейчас всей сворой на сцену кинутся – разорвут в клочки. Но рвать было некого – свет прожекторов погас, рыжая сука исчезла с эстрады. Так и надо с кобелями, растравить, а потом пусть курят. «А! Вот в чём дело», – сообразил я, заметив, как зрелище подействовало на Шпицко. До того вполпыха покурировал, но, увидев сучий зад, чадить стал, как доисторический паровой локомотив. Рычал: «Муди, морда твоя обезьянья! Му-ди! Блесни задницей! Му! Ди!»

– Да вот она, – расслабленно пробормотал Шнауц, обращаясь почему-то ко мне.

Я проследил, куда указывает его вытянутый коготь, и узрел... Нет, с собачьей точки зрения хозяйка салуна, должно быть, выглядела на все сто. Я не о возрасте, с этим не ко мне, так и не научился отличать юных сук от молодящихся. Одетая она была шикарно, а как пострижена и причёсана! Борзократично, с некоторым вызовом. Для кинодского кобеля – в самый раз, но я-то ведь не кинод. Ничего не могу поделать, мне она показалась чучело чучелом. Нет ничего уродливее голокожей пудреной собаки с завитой шерстью между ушами. Если на такую натянуть короткое платье со шлейфом и сунуть в переднюю лапу сигарету в длиннейшем мундштуке, получится чучело.

– Мда-а... – протянул я. – Её чтоб рассмешить...

– А? – спросил Шнауц и посмотрел на меня так, будто впервые увидел.

– А-ха! – твякнул расходившийся Шпицко. Видно было, сейчас отмочит что-нибудь непотребное. Я надеялся, они забыли про уговор, после номера Акито-Ино выходить на эстраду не хотелось. Но пришлось.

Шнауц выволок меня из-за стола, потащил на сцену, выкрикнул в зал что-то про говорящую макаку, что – не помню, а мне прошипел в ухо: «Смотри, если Муди не взвоят...» Я не видел ни её, ни публики – ничего. Осветитель, блох ему за шиворот, перестарался. Я прищурился, слушая верещание толмача: «Перевод невозможен!.. Перевод невозможен!..» –

дождался, пока заткнут пасти самые голосистые, и выдал им для начала про наркоманов и летающую собаку. Приняли хорошо, но, думаю, смысла не уловили. Тогда я выдрал микрофон из подставки, уселся на край эстрады, свесив одну ногу, и спросил: «А хотите знать, как я попал на Киноду?» Публика ответила дружным воем.

Вообще-то я публичности не люблю, тяги к сцене никогда не испытывал, но в тот день поймал кураж. Обозлился, захотелось натянуть собакам нос. Увлёкся. С микрофоном принялся по залу расхаживать, в ударных местах делал паузы – ждал реакции зала. Довёл щенков до визга. Но Муди даже не скалилась. «Тупая сука», – подумал я. Не то чтобы мне очень хотелось спасти двадцать реалов Шнауца, да и продажи в сучий бордель я всерьёз не опасался. Азарт, понимаете? Взбесило меня равнодушие этой болонки стриженной. Я стал рассказывать им про Эрда. Замечу без ложной скромности: к этому времени уже понял, что нужно публике. Кобелей, и продажных сук довёл до безумия. Когда они слышали про курящего исподтишка тюремщика – как с цепи сорвались. Кто-то из девочек сполз с табурета под стойку, кто-то по полу катался кверху брюхом, подёргивая лапками. Но Муди только мундштуком поигрывала, изогнув дугами выщипанные брови. От злости я совсем потерял себя, а может, пропитанный дурью воздух ударил в голову. Сам не заметил, как снова полез на эстраду. Шпицко пытался удержать, рычал: «Хватит!» – но я пнул его как следует, чтоб не путался под ногами. «Ишь, за штанины хватается!.. Боится, цуцик, за свой реал? Кстати о реалах...»

– Прошу внимания, почтеннейшая публика! – проорал я в микрофон. – Я хочу рассказать вам сказку про двух щенков и говорящую макаку. Жили-были щенки, умный и глупый. Звали их, скажем, Шпицко и Шнауц. Кто умён, кто глуп – станет понятно позже, достаточно того, что оба были жадными. И вот однажды...

Не могу сказать, чтоб меня сильно мучила совесть. Да, я обещал Шнауцу, что смолчу про десять реалов, но он ведь обзывал меня макакой, а какой с обезьяны спрос? Кроме того, мне почему-то казалось, что только таким анекдотом и получится расшевелить хозяйку заведения. Этого ведь добивался Шнауц, разве не так? Я травил байку, на Муди поглядывал искоса. Никакого впечатления. Она что, целиком из дерева, снизу доверху? До кобелей дошло, что неспроста анекдот рассказываю, только когда Шпицко взвыл дурным голосом:

– Да ты что, обезьяний выкидыш?! Издеваешься?!

Я подумал, он мне, но оказалось – нет. Вцепился в горло приятелю.

Вокруг грызущейся парочки мигом образовалась пустота. Публика решила, что драка – приятное дополнение к анекдоту о двух сучьих сынах и макаке. Щенки-служители кинулись разносить трубки. Надо было поставить точку в истории. Я прокашлялся – дым приятный, но едкий, – и сказал:

– Вот теперь, почтеннейшая публика, вы сами можете судить, кто глуп, кто умён и кто...

Я сделал паузу, глянул мельком на хозяйку бардака. Она выла и крашеными когтями скребла стол.

– ...и кто тут маргышка безмозглая, – закончил я. Решил: «Последствий можно не опасаться. Нету в борделе кроме меня ни одного трезвомыслящего существа». Секундой позже понял, как ошибся.

– Фу, чумные! – заревел кто-то басом. – Фу, вздорные!

Что-то сверкнуло, щёлкнуло, как будто по стальному листу стукнули молотком. Тоненько визгнула у стойки юная сучка. Вой стих, как будто всей своре посетителей «Борзой масти» разом заткнули пасти. Стало слышно, как постанывает на полу Шпицко. Шнауц поднялся, хрипя проклятия. Что говорил – не знаю, толмач затруднился перевести.

– Накурили, – добродушно рокотнул начальственный бас. – Муди, крошка, я вижу, дела идут хорошо. Ты нанимаешь новых артистов.

Что накурили – это точно. Гостя важного не рассмотреть, видно только, что за его спиной молодчики покрупнее, в чёрном, трое или четверо.

«Мастини пожаловали», – шепнул мне разносчик зелья.

– Это моя макака, – возразил, услышав про наёмных артистов, Шнауц. Друг его, Шпицко, не смог возразить, сидел на полу, очумело крутя башкой, и пастью хватал воздух.

На этот раз я не стал терпеть оскорбления; вернулся к микрофону и сказал:

– Шнауц, я удержу десять реалов, госпоже Муди моё выступление понравилось. Пари есть пари. Подойди, получи выигрыш, с меня одиннадцать реалов.

Зал взвыл.

– Фу, щенки! – прикрикнул Мастини.

Снова стало тихо.

– Это моя макака, – упрямо твердил Шнауц. Я услышал, как кто-то шикнул из толпы: «Молчи, болван!»

«Да, сдаётся мне, самый тупой здесь не я», – подумалось мне. Время показало, что и в этом я ошибался.

– Все макаки здесь мои, в том числе и ты, умник, – не меняя тона, ответил Шнауцу господин Мастини. Затем обратился ко мне:

– А ты, юморист... Пойдём-ка, нужно потолковать. Муди, крошка, открой нам бильярдную.

Поднимаясь следом за Мастини на второй этаж, я смог рассмотреть его лучше. Такого унылого кинода не приходилось видеть ни до, ни после. Он выглядел как сдутый до половины шар – обвисший, весь в складках, – к тому же горбился при ходьбе и шаркал штиблетами. Пиджачная пара болталась на нём, как на огородном пугале. Глаза со слезой, щёки вислые. Голос...

– Что? Ещё не открыли? – печально спросил Мастини, когда до входа в бильярдную осталось пять или шесть шагов. Я хотел ответить, но не успел.

Две тени – справа и слева, – метнулись к двери. С грохотом врезались в створки, влетели внутрь.

– Муди, дорогуша, – сказал, не повернув головы, Мастини, – кажется, в бильярдной сломан замок. Распорядись, чтобы его починили, когда мы уйдём.

«Кажется, он не шутит, всё здесь действительно принадлежит ему. Похоже, право называть местных кинодов своими макаками он имеет. А меня... Посмотрим. Что ему от меня нужно?»

– Оставьте нас, – приказал Мастини так, будто боролся с изжогой.

Он дождался, пока захлопнутся двери, и повернул ко мне морщинистую темнокожую морду. Сказал:

– Ребятам твоя болтовня понравилась. Хочешь получить постоянный ангажемент?

– У меня есть выбор? – спросил я. Приискал себе стул и уселся верхом против собачьего босса. Он стоял, опершись задом на бильярдный стол.

– Ты неглуп для гомида. Выбор всегда есть. Мои ребята могут пристрелить тебя как бешеную обезьяну. Идиоты вроде тех двоих могут перегрызть тебе глотку. Публика может разорвать тебя, когда им наскучат твои хохмы. Перед тобой открыты все дороги, иди по любой. Дойдешь, если будешь служить мне.

– Зачем я тебе нужен?

– Разнообразить программу. В последнее время туговато с выручкой, это меня беспокоит.

«Крутит. Что-то тут не так. Рискнуть?» Поколебавшись, я решил обострить разговор.

– Не морочь мне голову, босс. Я же вижу, у твоих псов с выбором хуже, чем у меня. Я не курю, а они, похоже, без трубки жить не могут. Привыкли. Так ведь?

– Да, ты неглуп для гомида. Верно, дела у меня идут неплохо, выручка от бардака заботит меня постольку поскольку. Но поговорить не с кем. Не с обкуренными же щенками беседовать.

Одно спасение – Муди, но и она тоже, когда закатится Арбор... Нет ничего гаже времени фелид. Потому я и спрашиваю: хочешь получить постоянный ангажемент?

«Ему не с кем поговорить. Время фелид? Закатится Арбор? А, понятно. Эрд рассказывал. Что-то вроде полярной ночи».

– Условия? – спросил я.

– Зачем тебе деньги? Кормить тебя будут, жить есть где. Ты не куришь, сам сказал.

– Мне нужно заработать на обратный билет. Четыре с лишним тысячи реалов.

– А! – Мастини ослабился. – Это другое дело. Договоримся.

Так я заключил договор с королём наркоторговцев. Устроился неплохо, личная макака полновластного монарха – это фигура, даже если под монаршей лапой жалкий клочок земли у побережья, дюжины две рыбацких скорлупок и развалины рыбзавода, где вассалы его величества солят рыбу и готовят зелье для продажи. Мои выступления пользовались успехом, госпожа Муди подумывала даже о гастролях.

– Соберём программу, – говорила она мне. – Тебя вывезем, Акито-Ино, Той...

– Ниho можно взять, – предложил я.

– Эту сучонку? У неё молоко ещё на губах не обсохло.

– У неё номер.

– Её номер без тебя помер. На днях подкину эту идейку Мастини.

Муди давно мечтала о турне. Мечтам не дано было сбыться, виноват в этом я, но лишь отчасти. Не моя вина, что однажды, прогуливаясь в час рассветных теней у причала Метизной бухты, я встретил Фокса Терье.

Глава четвёртая

Я ронял в маслянистую воду ржавые болты. Лениво, без размаха. Метизная бухта у местных кинодов популярностью не пользовалась – вода грязная, даже при высоком приливе торчат из воды столбы, набережная завалена горами металлолома. Купаться нельзя, валяться – никакого удовольствия, а больше на побережье делать нечего – так, во всяком случае, считает местный молодняк. Взрослый кинод к морю ходит только по надобности. Я – иное дело. Надо же поразмыслить хоть иногда, понимаете? Ну, пораскинуть мозгами, обдумать положение.

Я пробыл на Киноде три земных месяца. Чего добился? Скопил на службе у Мастини тысячи три реалов, сумму по местным меркам немалую, заработал вес в обществе, разобрался в коммерческих схемах, если что – мог бы сколотить наркоартель и составить господину Мастини конкуренцию. Вяло он работал, без выдумки. Что это за бизнес – ввозить морем с Рассветного архипелага табун-траву, варить «пыху», парить её олухам из Тайган-лога и легавым Азавака (разумеется, из-под полы). Рыбой ещё приторговывать. С этим пятилетний щенок справится. Мастини неглуп, однако единственное, на что ему хватило изобретательности – поголовно подсадить псов своих на эту мерзость, притом не подсесть собственноручно. Видели бы вы, что «пыха» с кинодами делает. Однажды при мне в «Борзой масти» матёрый кинодище шести сезонов от роду допыхался до бешеной пены. Всех вокруг перекусал, когда его вязали полотенцами, и потерял толмача. Я хотел подобрать, но... Вот с этого самого случая и появились у меня сомнения – так ли уж хорошо разобрался в местных делах. Блестящий шарик вывернулся из пальцев и шмыгнул в нору. Сначала я решил – глюки. Решил, что пробрало и меня зелье, хоть вроде и не действовало. Чтобы удостовериться, я оглядел бедолагу Чихуана (так звали укуренного), когда его волокли на задний двор – пристрелить. Толмача у него в ухе не было. Не потому ли потерял борзый вид и перестал понимать, что ему простым кинодским языком втолковывают?

– За что его? – осторожно спросил я у госпожи Муди.

– Да ни за что, – холодно зевая под прикрытием лапы, ответила почтенная сука. – Укурился, нюх потерял.

– Это не лечится?

Муди пискнула от удовольствия, потом завывла в полный голос: «Оу-у! Не лечится!.. О-о!» Отсмеявшись, добавила: «Язычок у тебя. Репризу сделай. Можно ли вылечить пустоголового? Сам не видел, что ли? Укуренный – он как свистулька: дуешь в левое ухо, свистит в правом». Я счёл за благо Муди больше не расспрашивать. Странное у неё чувство юмора. Мне бы, чем негодовать попусту, прямо тогда и сделать выводы, но, видимо, и сам я отупел от кинодской жизни. «Отъелся на харчах у Мастини, – думал я, роняя в воду болты один за другим. – Перестал задавать вопросы. Почему все киноды поголовно с шариками в ушах? Без толмачей друг с другом общего языка найти не могут? Откуда они берут шарики эти самые, чтоб каждому щенку совать в ухо? Откуда у них вообще техника: лодки, машины, ружья эти антикварные? Максимум на что способен среднего ума кинод – гвоздь в стену вбить, не более. Когда надо поменять лампочку, зовёт кого-нибудь выше среднего уровня. А тот умник глянет на лампу и спросит глубокомысленно вслух: «Что это?.. Как это вынуть?» Хорош электрик. Но, надо отдать должное, потом он всё-таки ухитряется лампу выкрутить и поставить новую.

– Э! – сказал я вслух, швырнув очередной болт дальше прочих. – А не подсказывает ли ему кто?

Булькнул в воду болт, мне почудилось: «...сказывает».

– Откуда здесь может быть эхо?

Действительно, откуда? Причал, море, домов поблизости нет, до ближайшей стены метров пятьсот. Волны чмокают, облизывая сваи, хлюпают в изумрудных пучках водорослей. На нижнем этаже причала...

– Кто здесь?

Я перевесился через парапет. Час равных теней, высшая точка прилива, но вода невысока, близится тёмное время фелид. Нижний этаж пирса Метизной бухты обнажён, плиты сухие. Какое-то шевеление. Крысы? Кто-то там внизу поскользнулся, в воду посыпались камешки.

– Если крысы, то очень крупные, – сказал я громко и кинулся к лестнице.

Тот внизу заскулил. «Святые наставники!» – перевёл толмач. Я так спешил – сам чуть не сверзился с лестницы. Немудрено и грохнуть: три земных месяца ступени под водой; ещё шесть – то нырнут, то вынырнут; и только в тёмное время года просыхают при жиденском свете Кербера.

Кого я надеялся там увидеть?

Ощущение, что всё вокруг – дурная инсценировка, чёртов собачий цирк, не оставляло меня, особенно в последнее время. Казалось, все они, даже старший Мастини, прилежно исполняли роли, один я нёс отсебятину. Мне хотелось глянуть в глаза режиссёру, а ещё лучше – зрителю. Я решил: внизу – зритель-безбилетник, из тех, что прячутся за портьерами и забираются на прожекторные мачты. Никому из подданных Мастини в голову не могла прийти такая глупость – прятаться. «Человека бы встретить... – думал я, выглядывая из-за сваи, обросшей морской какою-то дрянью. – Или хотя бы гомида... Должны же они здесь водиться... Техника вся для них... Мебель...»

Он жался возле двухметрового провала. Перекрытие в том месте обвалилось, остались источенные ржавчиной балки. Туда-то залез, а обратно – не вышло. Сорвался, нашумел, меня накликал. Мокрый, жалкий, смотрел на меня оттуда, как описавшийся щенок на хозяина. Не гомид, кинод. С мешковатой хламиды вода лила ручьём.

– Ну, что смотришь? – спросил я. – Лезь сюда, не трону. Или ты утопиться собрался?

– Свят-свят!.. Упаси меня Наставник! Наложить на себя лапы?!

Никак он не мог решиться, а мне лень было к нему прыгать.

– Лезь ко мне, говорю!

– Тише, господин Ёся!

– Откуда ты меня знаешь? – строго спросил я, соображая: «Никаких сомнений, он здесь нелегально. Но меня знает. А действительно – откуда?»

– Это долго рассказывать, – пробормотал он, пробуя лапой скользкую балку. – Не дай Наставник, явится кто-нибудь из шакалов Мастини.

– А ты не возись, прыгни с разбегу.

Всё-таки он перелез, цепляясь за балку, как ленивец за ветку. Хотел шмыгнуть мимо меня, но я поймал его за хламиду: «Стой! Ты куда?»

– Сюда, господин Ёся! Скорее!

Он тащил меня за собою.

– Ты же не хочешь, чтоб тебя видели! – возразил я. – Зачем...

Удержать его не получилось, пришлось поддаться. Я понял: он не собирается подниматься по лестнице. Где-то есть ещё один выход. Нора. Но зачем так спешить?

Зал, куда он затащил меня, в прежние времена служил багажным отделением. Когда-то на стальных стеллажах выстроены были разнокалиберные чемоданы, баулы и пакеты; расхаживал между стойками ленивый кладовщик, швырял на ленту транспортёра чужие вещи и они уезжали прочь – через багажный люк. «Теперь задраен наглухо, но не так давно его открывали. Струпя краски на полу. А на ленте транспортёра их нет. Смели? Нет. Вот они где – на пол посыпались. Кто-то недавно включал транспортёр, загружал что-то снаружи внутрь». Я огля-

делся. На стеллажах у стены штабели перекрещенных верёвками одинаковых пакетов. Какой-то груз. Рядом на упаковочном столе тряпье – кучей, подушка. Кто-то спал там, как на нарах, его разбудили или проснулся сам, он вскочил, не заботясь о том, чтобы убрать за собою постель. Кто? Этот в мокрой рясе или есть с ним ещё кто-то? Что в пакетах? Любопытно...

Пока я озирался, мой новый знакомый успел переодеться в сухое. Промокшее тряпье развешивал для просушки на протянутой между стойками верёвке с таким видом, будто свалиться с причала и вымокнуть до нитки – обычное дело. При этом он поскуливал, подвизгивал, поглядывая на меня искоса, но рыжей острой морды не поворачивал. Толмач бормотал чепуху: «Слава наставникам, вода тёплая... Слава наставникам, это Ёся... Кому ещё и быть... Шакалы... Думал, пронюхали... Свят-свят! К лучшему, к лучшему... Давно хотел поговорить...» Я не сразу понял, что не просто так он болтает – ко мне обращается. Прикидывает, как навести мосты. Давно хотел поговорить – это со мной.

– О чём нам разговаривать? – спросил я. Прямой вопрос хитрая штука, если правильно задать.

– Думаете, не о чем?! Сдадите меня своре Мастини?

– Ещё не решил, – с расстановкой ответил я, соображая: «Прячется от Мастини. Выдачи боится. Ещё чего-то опасается. Тянет время? Чего-то или кого-то ждёт. Напарника? Не подобрались бы ко мне с тыла».

Я уселся на стеллаж так, чтобы за спиной – глухая стена, а люк и дверь – в поле зрения, сказал:

– Сдать тебя я всегда успею. Решу, смотря по тому, как будешь отвечать. Хотелось бы узнать, кто ты и откуда знаешь, как меня зовут. Не припомню, чтобы мы встречались раньше.

– Фокс. Терье, как вы могли заметить.

«И как же я мог заметить? Терье... Фокс... Имя и фамилия? Впервые вижу кинода, у которого имеется то и другое. Впервые кинод говорит мне „вы“. Проявляет уважение из страха, что выдам?» Между тем Фокс Терье, увидев, что я настроен поговорить, успокоился, переспросил:

– Откуда знаю ваше имя? В Мастини-логе вас знают все.

«И твой пёс знает тоже», – подумал я, сообразив, чего боялся Фокс. У него на пирсе в Метизной бухте была назначена встреча. Я помешал, явился некстати, мог подсмотреть, что за шавка работает на сторону. «Вот зачем он тянет время. Его шпик сейчас там, на причале».

– Знают все, – возразил я, – но не все сейчас ждут тебя на причале. Не дёргайся. Я не хочу знать то, что легко узнать. Скажи лучше, что в пакетах?

Спрашивая, внимательно следил за Фоксом, но что можно понять по кинодской морде?

– Книга, – ответил Фокс Терье.

«Опять толмач взбрыкнул. Почему в единственном числе? Книга! В первый раз вижу, чтоб киноды интересовались книгами. Морочит голову?»

– Крутишь, Фокс. Не хочешь говорить – как хочешь. Пройдусь-ка я на пирс, подышу. Потом прямиком к Мастини.

Я встал.

– Святое слово, Книга! – Терье потянул меня за рукав к стеллажу, ободрал с пакета бумагу...

«Правда, книги. Не ожидал. Штук десять в каждом пакете. Чего он про святость через слово?»

– Почему тогда прячешься? – спросил я. – Мастини книгами не интересуется. Я думал, ты крысятничаешь, валишь налево его товар.

– Свят-свят! Чтоб Терье торговали!.. Упаси Наставник!

Он приставил лапу к уху, как будто подслушивал.

– Ты не ответил, почему прячешься от господина Мастини.

Нет, не понять мне кинодской мимики. Чего он скалится? Смеётся? Угрожает? Злорадствует?

– А что вы так печётесь про Мастини, Ёся? Думаете, он вечно будет держать вас при себе?

Нет, так я не думал и вечно торчать в «Борзой масти» не собирался, хотел поднакопить денег, чтоб хватило вернуться на пересадочную станцию. Три тысячи или что-то около того у меня уже набралось, пустячок остался – тысточки две, чтоб хватило с избытком.

– Думаете, он всегда будет держать своих шакалов на сворках?! – горячился Фокс.

– Я вообще об этом не думаю. Деньги зарабатываю.

– Ничего вы не зарабатываете, брат мой.

– То есть как – ничего?! – оскорбился я, похлопывая себя по карману.

– Думаете, это ваши деньги?

– Думаю, да.

– Заблуждаетесь! Всё в этом нечестивом вертепе принадлежит Мастини. Вернее, он так думает в ослеплении.

– А вы сами так не считаете? – спросил я, подумав: «Он что, сумасшедший? Хотя... Резон в его словах есть. Если Мастини в любой момент может отнять у меня всё, что я заработал, это его деньги. Фокус в том, стану ли я дожидаться такого момента».

– Я не считаю, ведомо мне, – ответил Фокс, воздев лапу и приложив её к уху, – всё сущее принадлежит Наставникам и всё в их воле.

«Бесперечь поминает каких-то наставников и ухо теребит. У него блохи?»

– Ты хочешь сказать, что эти твои наставники в любой момент могут отобрать всё и у меня и у господина Мастини?

– Все представленные Наставникам равны перед ними. Слушайте Наставников, они упасут вас. Так писано в Книге.

Фокс Терье мягко наложил лапу на перекрёщённый верёвкой пакет. Не поручусь, что правильно истолковал его гримасу, но если кинодская морда вообще способна выражать благоговение, выглядеть это должно именно так. «Угроздило нарваться на фанатика. К чёрту его. Или... Нет, сначала надо бы выяснить, что за наставники. Служители местного культа? Помнится, на альфе Южной Рыбы... Да, надо бы выяснить. Никогда не известно заранее, на чём поживиться можно».

– Я бы послушал Наставника, брат, – обратился я к Фоксу, – но где его найти? Как добраться?

Нет, никогда мне их не понять. Что означают выпученные как у лягушки глаза? Зачем он раскрыл пасть? Оскорбился? Удивился? Шокирован? С минуту Фокс Терье таранился, потом поставил глаза на место, спрятал язык и ответил, медленно поднявши лапу:

– Тому не надо искать Наставника, у кого он в ухе.

И снова брат Фокс лапу приложил к серебристому шарiku в ушной раковине, будто прислушивался. Меня осенило: «Он толмачей называет Наставниками! Личный бог в ухе – это ново. Или где-то уже слышал? Но правильно ли понял? Может, опять огрехи перевода... Слушай, говорит, Наставника и он упасёт тебя. А я кого всё время слушаю?» Толмач в ухе соловьём разливался, переводя вдохновенную проповедь брата моего, Фокса Терье. Я слушал.

Каждый представленный Наставнику слышит его, но не каждый слушает. Счастливы безносые, ибо не одним нюхом могут отыскивать пропитание, но словом Наставника и его наставлением. Нюх обманчив, соблазна полон и скверны, одно лишь истинно – слово Наставника. Спросите о пище праведной и вам ответят. Счастливы слепцы, ибо не зрением могут отыскивать путь, но словом Наставника и его наставлением. Лжёт глаз в кромешной тьме и в ослеплении, одно лишь истинно – слово Наставника. Спросите о пути праведном и вам ответят. Счастливы лишённые вкуса, ибо не языком могут пробовать, но словом Наставника и его наставлением. Лжёт язык, лижет без разбору что надобно и не надобно, одно лишь истинно –

слово Наставника. Спросите о вкусе истинном и вам ответят. Счастливы скудоумные, ибо не измышлением могут отыскивать путь, но словом Наставника и его наставлением. Противоречивы измышления, неверны, как свет Кербера, одно лишь истинно – слово Наставника. Спросите совета и вам ответят. Счастливы преклонившие слух, ибо их есть святые угоды и охота вечная. Представленный Наставнику да слушает.

– Представленный Наставнику да слушает! Так в Книге писано! – завывал Фокс Терье, возложив лапу на обандероленную стопку книг. Вторую лапу воздел, отчего рукав рясы съехал до самого плеча когтистой верхней конечности.

– Да слушаю я, слушаю, – буркнул я, постукивая по тугой горошине, засевшей в ухе так плотно, что клещами не вытащить. – От рассветных теней до закатных только и делаю, что прислушиваюсь. Как-то не густо с дельными советами.

– А вы спрашивали?

По правде говоря, я вообще не привык советовать с кем попало, обхожусь собственными измышлениями. Не в моём характере вопрошать вслух, хотя... Я припомнил: всякий раз, когда я, увидев непонятную надпись, спрашивал: «Что здесь написано?» – толмач отвечал. Спросите и вам ответят. Хм-м... Занятно.

Фокс между тем проповедовал. Витийствовал. Что-то плёл про заблудших и новопредставленных.

– Всё это правда, Наставник? – негромко спросил я

– Правда, – ответил толмач, прервав перевод на половине слова, после продолжил как ни в чём не бывало: «...горько думать о непредставленных, но горше того – о представленных, оглушённых гордынею разума...»

Сам факт – мне ответили! – оглушил меня, я перестал слушать – надо было собраться с мыслями. Я представлен Наставнику, у меня в ухе шарик, он нащёптывает ответы. Все, кого я встречал на Киноде, представлены, но есть ведь где-то и непредставленные... Я вспомнил того обкуренного, которого пристрелили в бардаке Муди. Обкурился до потери разума – потерял шарик. Наставник оставил его, смылся в нору. Я видел. Значит ли это, что неразумный не может быть представленным? Кто тогда заблудшие? Можно ли считать разумными представленных? До сих пор я считал, что киноды разумны, раз они говорят со мною, но так ли это? Три земных месяца кряду я слушал, что нащёптывал мне на ухо мелкий шарообразный бес, его наущениями разгуливал как дрессированная макака по собачьему цирку, где у каждой шавки в ухе личный дрессировщик...

– Слушай, ты!.. – перебил я Фокса. – Ну-ка, выкладывай, есть на вашей паршивой планетке места, где живут без этой дряни в... Э-э... Я хотел спросить: брат мой, поведай, где прозябают те, кто не представлен Наставнику?

– Брат мой... – прохрипел Терье. Я заметил: держу его за ворот и без малого придушил. «Так он ничего не сможет поведать», – подумал я и отпустил беднягу. До чего незлобивый кинод! Рясу одёрнул, продышался, ответил как ни в чём ни бывало: прозябающие в неверии обретаются большей частью на островах Рассветного архипелага, куда всякий истинный миссионер и обязан направить стопы, ибо это святой долг его, так в Книге писано. Заблудшие и гордыней ослеплённые представленные, мол, пусть спасаются сами как знают, думать в первую голову надо о непредставленных, им нести голос истины.

Слушая его болтовню, я пришёл в себя и стал задавать наводящие вопросы. В конце концов, безразлично, от кого я получу информацию, от Наставника или от кинода при посредстве Наставника, если всё равно вынужден верить на слово. Как-то ещё не дозрел – разговаривать с горошиной, пусть даже блестящей. Обращаться с вопросами к собаке привычнее. Проповедник – прекрасный источник информации, если умеешь им пользоваться. Он похож на бочку с водой, снабжённую множеством больших и малых кранов; приоткроешь нужный – подставляй кружку. Упаси только Всемилостивый Случай открыть два крана одновременно.

С кинодской географией мы покончили в два счёта. Полуденное полушарие – океан, в нём острова Закатного и Рассветного архипелагов, а в полуночном полушарии – огромный материк, единственный на планете. Почему-то его называют землёй Фелид. Шельф материка – приливная зона – пересыхает во время кинод, становится недоступным для мореплавания, а посуху там не проедешь: ил, зыбучие пески. Во время фелид навигация возможна, однако ни один храбрый миссионер, рискнувший по совету Наставника отправиться туда, не вернулся. Возможно, там и расположен кинодский рай.

Я решил, что географии с меня на первый раз хватит, и спросил брата Фокса, не собирается ли он в рай. Фокс энергично замотал головой: ни в коем разе. Пока не укажет Наставник, нет. Он мудр, неисповедимы его замыслы, слушай Наставника, он укажет путь праведный. Вот, например, как сейчас – Фоксу указывает нести благую весть неверной дворне Туза Рассветного.

Почтенный миссионер Фокс в который раз огладил пакет с книгами, и до меня наконец дошло, какого дьявола он дожидается на заброшенном складе со своим грузом.

– Я понял! Ты собрался угнать у Мастини катер!

Он заткнулся. Стало слышно, как чмокает за стеною прибой, облизывая сваи причала. Помолчав стал скулить, не глядя в глаза, что угон неудачное слово – правильное говорить о временной смене арендатора, поскольку всё на свете принадлежит Наставникам и всё в их воле – дать и отнять, и...

– Понятно, – перебил я. – Помолчи.

Можно было бы сдать его шакалам Мастини, но зачем? Сам я не доберусь до Рассветных островов, оставаться же в Мастини-логе среди управляемых Наставниками собак и дожидаться, пока они наиграются говорящей макакой, глупо. Предательство – слишком громкое слово. Будем считать моё действие односторонним досрочным разрывом контракта. К тому же я подумал: «А не туда ли часом траппер Вуйк утащил Глеба?»

– Туда, – услышал я в ответ.

– Что ты сказал? – я повернулся к Фоксу.

– Я молчал, как вы и просили, – смиренно молвил тот.

Поняв, что означает ответ, я принял окончательное решение.

Глава пятая

Передать не могу, с каким чувством ступил на твёрдую землю после недельной болтанки. Старина Фокс тот ещё моряк, временами мне казалось, отправит нас прямым курсом на дно вместе с «Летучей рыбой». Чуть что: «Всевидящий Наставник, вразуми безнухого, где мы?» Хорош навигатор, нечего сказать. Но что-то дельное толмач ему насвистывал в ухо; как иначе этот пентюх исхитрился бы привести ворованное корыто напрямик куда надо? В день седьмой, справляя за борт малую нужду при свете восходящего Арбора, я заметил прямо по курсу три горные вершины и взревел на радостях:

– Фокс! Фокс, твою собачью душу рыбам на завтрак! Вот же она, Трезубая!

– Слава Наставникам! – отозвался мой капитан и вознёс молитву, ткнувшись лбом в рулевое колесо.

Право слово, захотелось дать ему промеж ушей, но я сдержался. Добрый он кинод, спокойный, не злопамятный, отвесишь такому подзатыльник – совесть замучает. Первый абориген Киноды, увидевший во мне не говорящую макаку и не добычу, но существо одушевлённое и разумное. Имеющие уши равны перед Наставниками, так в Наставлениях писано.

Пробовал я читать Наставления – ничего интересного: что-то вроде инструкции к толмачу. Если отжать воду, получится: «Спрашивай, и тебе ответят». Это я и сам уже понял: а как иначе бы читал Книгу, не зная ни единой кинодской буквы? Удобная штука толмач: глянешь на страницу, спросишь, что написано, и он па-ашёл чесать прямо по тексту не хуже киберчтеца, и не просто так, а художественно, с выражением. Не Наставления, конечно, и без них от качки в глазах зелено; были в Книге главы куда более интересные – о сотворении мира и происхождении всего живого, об изначальной порочности фелид, о войнах за святые уголья, о великом исходе кинодов на острова и грядущем возвращении, о представлении щенков Наставникам и про их, Наставников, святую суть... Честно говоря, ничего путного я не вычитал из главы о сути толмачей, туманно была написана, а может, перевод подкачал. Дважды за неё брался, взялся бы и в третий раз, но пришлось стоять вахту. Сменившись, одно успел: справить за борт малую нужду – тут же и увидел Трезубую гору. Стало не до чтения. Высадка – дело ответственное и непростое, когда судёнышком управляет такой капитан, как брат мой Фокс Терье.

– Фокс, сучий потрох, пропорем днище! Ах ты!..

– Святые угодь!.. Я-а! Всезнающий настав... Вразуми, как заглуши...

– Перекрой горячку, собака! Фокс! А, он и так заглох.

– Слава Настав... Ик!

– Прыгай! Прыгай, я тебе говорю!

«Коленом. Под толстый кинодский зад».

– Ай! Святые...

– Потом помолишься, лови конец! Тяни же, ты!.. Руки-крюки...

Обошлось. Толчком меня сбило с ног, «Летучая рыба» легла на брюхо. Я перебрался через борт, спрыгнул. Под ногами закрипела мокрая галька, накатила волна – по щиколотку, – отхлынула. Первую мысль – повезло, в бухту вошли с приливом, – тут же сменила другая – как будем катер снимать с мели, если не получится взобраться на скалы? И тут я осознал: земля под ногами, Фокс не пустил нас ко дну, привёл, сукин сын, к берегу.

– Задница толстая, тугая на оба уха, – нежно сказал я Фоксу. – Слава своего Наставника, что не утопил нас на мелком месте. Если бы утопил, я веслом его в ухо тебе затолкал бы до самых кишок и дальше. Я бы...

Что ещё я ему тогда наговорил на радостях, не помню. Нёс, не заботясь, переведёт толмач или нет, при этом оглядывал скалы, прикидывал: «Взобраться – думать нечего. Кажется, есть проход вдоль берега справа по мелководу. Спешить некуда, прилив кончается, разгрузимся,

осмотримся. Авось, не придётся лодку спихивать. В море больше не хочу. Плевать, если не тот остров, мне и тут нравится». Объективно говоря, ничего хорошего в доступной моему взору части острова не было. Мрачное место. Облепленные сопливо-зелёными водорослями скалы – отвесные, синие в мертвенном свете Кербера. Кончается время кинод, день Арбора короток – покажется светило над горизонтом и нырнёт снова. В бухту лучам не добратся, мешают скалы. «Светлее, чем на Земле в полнолуние, но...»

– Тише, Ёся!.. – громким шёпотом взмолился Фокс. Оказалось, я ещё не расстрелял боезапас, поднакопилось под языком глупостей.

«Чего он всполошился? Кончики ушей подёргиваются. Что за вой?»

– Перевод невозможен, – равнодушно ответил толмач.

– Дворня, – шепнул Фокс Терье и забормотал молитву: «Укрепи меня, Наставник, проповедь мою сделай понятною, вразуми непредставленных, силу дай моему голосу».

«Как же их вразумить, если они непредставленные?» – думал я, прислушиваясь. Выли со скал. Я не специалист по вою, но поручиться могу – в одну глотку выли.

– Сюда ему не добратся, – сказал я, чтобы что-то сказать. Согласитесь, жутковато на незнакомом берегу слушать вой и гадать, не по твою ли душу дерут глотку.

Фокс оставил мою реплику без внимания. Запрыгнул в катер, стал там ворча возиться. Я думал, он с перепугу, но миг – и храбрый миссионер предстал пред очи снова, исполненный борзости. Глаза его горели, шерсть на загривке топорщилась. Хлюпиком больше не выглядел; нос задрал, вытянулся, вид имел весьма значительный. В правой передней лапе книга.

– Прихватил бы лучше багор, – сказал я. – Или в каюте пошарь под койкой, там ломик.

Нет, не слышал меня брат Фокс и не слушал, готовился к встрече. Выскочил на берег, влез на плоский валун, замер, прижав книгу к груди обеими лапами. Слов его я не слышал, но что угодно готов поставить, даже честно заработанные у Мастини три тысячи реалов, брат мой обращался к Наставнику и тот не молчал тоже.

– Говорю, сюда ему не слезть, потому что... – начал я. Закончить не успел, понял, что ошибся.

Серая тень выскользнула из-за скалы, потом ещё одна и ещё. Их было много. Двигались бесшумно и на первый взгляд не показались мне крупными, должно быть потому, что на четырёх лапах. Миг, и серая шевелящаяся волна заполнила узкую полоску берега до самых скал. В нос мне ударил резкий запах псины. С такими мне на Киноде ещё не приходилось встречаться.

– Кто это? – спросил я, соображая: «К воде близко не подходят. Боятся? Запрыгнуть в лодку? А если не боятся? Ломиком не отмахусь».

– Стайны, – пояснил толмач.

«Толку от названия, – с досадой подумал я. – Сказал бы лучше, что делать». Я отступал вдоль борта. Накатила волна, ближний ко мне стайн попятился, зарычал, глядя снизу вверх. Здоровый, с телёнка ростом.

– Господин стайн, – начал я. – Мы прибыли к вам с ми...

Волна отступила. «Чихать ему, с чем мы прибыли. Сейчас бросится».

Я сам не заметил, как запрыгнул в катер. Будь у меня время поразмыслить, понял бы, что подобное действие лишь ненадолго отсрочит встречу. Отлив. Времени на раздумья не было. Я юркнул в каюту, нашарил под койкой ломик, вернулся к борту. Завидев у меня в руке палку, стайны пятились, тесня задних и щерясь. «Боятся. И воды тоже. Жуткие звери. Истинные собаки. Фокс дурак. Он этих бестий просвещать собирался? Попали мы...»

– Фокс! – позвал я.

Он проповедовал, прижимая к тощей груди книгу. Говорил жарко; в какой-то миг мне даже показалось, что стайны подвывают, отмечая концы периодов рычанием, но рано я обрадовался, не содержание проповеди на них подействовало, но самый звук голоса. Когда вдох-

новенный миссионер крикнул: «Внемлите, во мраке заблудшие!» – и воздел лапу с книгой, они на него кинулись.

Я пошевелиться не успел – Фокса спихнули с камня. Миг – и он скрылся с глаз, как брошенный в воду голыш. Тварь, наскочившая на него, тоже растворилась в копошении – дыбо-шёрстые загривки, уши, пасти – разбери-пойми, где кто в собачьей стае. Я и не разобрался.

– Собаки! – орал, переваливаясь через борт.

– Псы паршивые! – вопил, лупя своей железью направо и налево.

– Перевод невозможен... Перевод невозможен... – тьявкал в ухо толмач, но мне и не нужен был перевод. О чём говорить со стаей собак? Палка – лучший переводчик. Глупая это была затея, ещё глупее, чем проповедь брата Фокса. Пробился я к нему быстро. Получив по хребту ломиком, стайны пытались смешаться с толпой, теснили задних, поскуливали – и это действовало на ближних отрезвляюще. На ближних, но не на дальних. Они почуяли запах крови.

– Фокс! – кричал я, задыхаясь. Отмахал руки.

– Фокс, вставай!

Он меня уже не слышал.

Кроме двух или трёх бестий, рвавших тело, прочие отступили. Запах они чуяли, но приблизиться не решались. Безданная затея – отгонять стаю от добычи. Ори хоть до хрипа. Устанут руки размахивать палкой – готово дело.

Те твари, что успели попробовать кровь на вкус, на крики не обращали внимания. Я примерился и огрел по тощему заду парня, рвавшего Фоксу горло. Не очень-то это образумило взбесившуюся собаку. Кровавая морда, шерсть слиплась, летят во все стороны тёмные брызги. Но теперь можно не бояться, что зацеплю брата Фокса. Получай! Удар толком не вышел. В последний миг пёс успел отвернуться и не по морде получил, а в плечо. Как он взвыл! На прочих вой побитого пса подействовал лучше палки, субчики, дорвавшиеся до миссионерского тела, порскнули прочь.

– И что теперь делать? – спросил я, мельком глянув на Фокса. Тут же понял – ответа от него не дождусь. Говорить с разорванным горлом...

– Ждать, – сказано было мне.

– Пошёл к чёрту! – огрызнулся я. Подумал: «Наставник. Твоими наставлениями чёрт знает куда дорога вымощена. Слушал брат Фокс и дослушался. Чего ждать? Вон они опять лезут».

Я не решался опустить руки. Плечи ныли. Понятно было – скоро я попросту выроню лом. Те из стайнов, кто посмелей, пригибаясь к земле и щетиня загривки, вперед двинулись. Я выбрал самого наглого, того, что прихрамывал. Кровавая морда.

– Ну подходи, подходи, – рычал я, примериваясь, как бы половчей махнуть, чтоб не одному ему досталось.

Что-то случилось – стая разом пришла в движение. Только что видел я оскаленные морды, и вдруг – бока, обросшие шерстью зады, мелкая галька фонтанами из-под лап... Что такое?

Я услышал свист, тьяканье.

– Перевод невозможен, – устало сообщил толмач.

– Не можешь перевести, так молчи, – процедил я сквозь зубы, следя за странными эволюциями стаи. Она надвое расселась, словно бы для того, чтоб дать кому-то подойти к телу.

– Хорошо, – с готовностью согласился толмач. Я не сразу понял, что он нашёл хорошего в создавшемся положении. Мозги работали отвратно. Я торчал рядом с трупом, дурак дураком – с занесенной для удара железью. Бить было некого, разве что себя самого наградить за сообразительность орденом подзатыльника.

Стайны вели себя так, будто хозяина учуяли. Он приближался; я слышал, как скрипит под его подошвами галька. Сначала натравил стаю, выждал, чтоб поймали, потом отозвал,

чтоб не портили добычу. Я опустил руки, лом не бросил, а именно выронил – не слушались пальцы, – сделал два шага и рухнул на колени рядом с телом Фокса. Безнадёжно. С такими ранами не живут. Крови натекло... Да, брат, плохие советы дал тебе Наставник, думал я, аккуратно поворачивая отяжелевшую короткошёрстую голову, чтоб заглянуть в ухо. Будто прочтя мои мысли, шарик выскользнул оттуда, ртутной каплей протёк у меня между пальцев – стук! – по камню, – стук! стук! – запрыгал прочь, к морю, и в прихлынувшую волну шмыгнул. Мертвецу толмач не нужен.

– Сволочь ртутная! – выругался я. – Язвить твою душу!

– Кто сказал?! – пролаяли у меня за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.